

Феодор (Бухарева), архим. Письма архимандрита Феодора (А. М. Бухарева), к Любимовой В. В. и Дубровиной А. И. / Примеч. П. А. Флоренского, свящ. // Богословский вестник 1917. Т. 1. № 2/3. С. 267–304 (2-я пагин.).

Письма¹ Архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) къ Варварѣ Васильевнѣ Любимовой² и Антонинѣ Ивановнѣ Дубровиной³.

I.

[1860 г.]

Милостивая Государыня, Добрая Варвара Васильевна!

¹) Печатаемые письма архим. Феодора (А. М. Бухарева) доставлены мнѣ въ копіяхъ, вѣроятно современныхъ подлинникамъ, Самарскимъ протоиереемъ Валеріаномъ Викторовичемъ Лаврскимъ, въ числѣ многихъ другихъ бумагъ, касающихся о. Феодора. Гдѣ находятся подлинники—мнѣ неизвѣстно. Но не будучи увѣренъ въ совершенной точности этихъ копій, я не рѣшился оставлять содержащіяся въ нихъ явныя опіски; впрочемъ, число такихъ неправленій не велико, всего вѣроятно 4—5 мѣстъ. — Всѣ неподписанныя примѣчанія составлены свящ. П. А. Флоренскимъ, отчасти по сообщеніямъ Анны Сергѣевны Бухаревой и Екатерины Александровны Лебедевой. О. В. В. Лаврскому я имѣю объимъ признанію свою глубокую благодарность. *Ред.*

²) Варвара Васильевна Любимова и упоминаемая ниже Екатерина Васильевна Загорская были близкими знакомыми о. Феодора по Казани. Это были двѣ сестры,—наслѣдовавшія богатство отъ своего отца—доктора; *Любимова* — замужняя, но бездѣтная, жила привязанностью къ дѣвочкѣ, своей воспитаницѣ. *Загорская*—не замужняя цѣлые десятки лѣтъ, до глубокой старости, провела жизнь почти не вставая съ своего кожаного кресла у окна. Лѣтописи Казанскаго бомбѣда не сохранили въ памяти современниковъ, что за крушеніе духа привело къ такому своеобразному отреченію отъ міра эту молодую, здоровую, красивую, богатую наслѣдницу отцовскаго имѣнія и капитала; извѣстенъ только фактъ: она, какъ однажды надѣла черное платье, закрутила свои роскошныя, черныя волосы въ одинъ кокъ,—вмѣсто плетенія косъ, и усѣлась въ кресло, такъ и проспѣла всю жизнь—созерцательницей и критикомъ жизни, не принимая въ ней личнаго активнаго участія; она жила для своихъ крестьянъ, для своей многочисленной дворни, для своихъ приживальщицъ, для своихъ пансіонеровъ, получавшихъ ежемѣсячныя выдачи и по праздникамъ имѣющихъ—каждый и каждая—свое мѣсто за обѣденнымъ столомъ своей

Господь съ Вами, наша матушка Игуменія⁴, и съ Екате-

патронессы. Въ средѣ этой дворни никогда не переводились и дѣти; они выросали, воспитывались, обучались болѣе или менѣе, выдавались замужъ и давали новыя поколѣнія дѣтей. Для одной изъ воспитанницъ Е. В. Загорской жила даже гувернантка. И всѣ эти благодѣтельными станаивались—однѣ болѣе,—другія менѣе,—предметами необходимости для благодѣтельницы, такъ что разлука съ иными изъ нихъ на 2, 3 дня была для нея причипой непрестаннаго потока слезъ“ (прот. В. [В.] *Лаврскій*.—Мои воспоминанія объ архимандритѣ Ѳеодорѣ (А. М. Бухаревѣ). „Бог. Вѣстн.“, 1906, Т. 3, Ноябрь, стр. 548-550). О. Ѳеодоръ особенно охотно посѣщалъ дома Любимовой и Загорской ради дѣтей, которыхъ онъ очень любилъ (ср. *id.*, стр. 549, 550). Вообще, о. Ѳеодора приглашали нарасхватъ въ семейные дома казанскіе дворяне. „О. Инспектора пинѣ, просто какъ какого-нибудь апостола, его казанскіе знакомые рвутъ одни у другихъ изъ рукъ; каждый хочетъ видѣть у себя въ домѣ и знакомые между собою цѣлыми толпами прѣзжаютъ туда, гдѣ—какъ знаютъ—пообщался быть“—писать 24 ноября 1852 г. своей матери студентъ Лаврскій, и далѣе даетъ примѣрное росписаніе выѣздовъ о. Ѳеодора за вѣсколько дней (*id.*, стр. 532).

³) *Антонина Ивановна Дубровина* была гувернанткой въ домѣ вышеупомянутой Е. В. Загорской и въ горячо-дружеской близости съ Варв. Вас. Любимовой. Въ семьѣ Дубровиныхъ было много дочерей, и онѣ-то были соединительнымъ звеномъ круга казанскихъ знакомыхъ о. Ѳеодора. *Иванъ В. Дубровинъ*, купецъ-книгопродавецъ, сблизился съ Казанской Академіей какъ ктиторъ академической церкви (съ 21 января 1858 г. по 14 декабря 1862), но оказался человѣкомъ не-церковнымъ и мало подходящимъ къ ктиторской дѣятельности, вслѣдствіе чего самъ отказался отъ нея (П. [В.] *Знаменскій*.—Исторія Казанской Духовной Академіи, Казань, 1892, Вып. III, стр. 70). Повидимому это онъ разумѣется въ сообщеніи проф. П. В. Знаменскаго объ оффиціальности и холодѣ на павнихидѣ 20 мая 1864 г. по ректорѣ архим. Иннокентіѣ, какъ о выдѣлявшемся изъ ряда другихъ молящихся: „шумно заявляя свои чувствованія явившейся тутъ же купецъ Д..., обращаясь къ наставникамъ съ трогательными словани: «Плачьте, всѣ плачьте,—друга моего не стало»“ (*id.*, Казань, 1891, Вып. I, стр. 248). И. В. Дубровинъ, кажется, не былъ близокъ съ о. Ѳеодоромъ. Не былъ ли это отецъ дѣвицъ Дубровиныхъ? Мать ихъ звали Христина Ивановна, а самихъ ихъ: *Александра*, *Анна*, *Антонина*, *Наталья* и *Ольга*; былъ еще сынъ *Аркадій*, † 1858 г., на Новый годъ, лѣтъ 18-ти. („Бог. В.“, 1906, Т. 3, Ноябрь, стр. 544). Александра и Анна Ивановна служили классными дамами въ одномъ казанскомъ частномъ пансіонѣ; Антонина Ив., какъ сказано—гувернанткой у Загорскихъ; Наталья Ив.—у Корсаковыхъ. Впослѣдствіи Александръ Ивановна вышла замужъ за В. В. Лаврекаго, сблизившагося съ Дубровиными по своему преподавательству у Корсаковыхъ и по отношеніямъ къ о. Ѳеодору.

⁴) Общество Любимовой, Загорской, отчасти Дубровиныхъ и др. прот. В. В. Лаврскій называетъ, снустя 48 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, „оригинальнымъ монастыремъ“ („Бог. Вѣстн.“, 1906, Т. 8, Ноябрь, стр.

риной Васильевной⁵, и съ казначеей Вашей Антониной Ивановной⁶, съ Александрой Васильевной⁷, съ Парасковьей Андреевнкой, съ Марьей Михайловнкой⁸, Анночкой⁹, обѣими Олинками¹⁰ и со всѣми сестрами!

Поздравляю всѣхъ Васъ и вмѣстѣ Владиміра Петровича¹¹ съ близкимъ праздникомъ Христова Воскресенія. Ради этого свѣтлаго праздника, Варвара Васильевна, простите, что такъ молчаливъ я съ Вами. По полученіи Вашего письма, въ которомъ извѣщали Вы меня о смерти упредившаго насъ своимъ отшествіемъ ко Господу Ивана Дмитріевича¹²,—вскорѣ и я сдѣлался очень не здоровъ; праздники и первые дни новаго года еще кое-какъ ходилъ, а потомъ съ мѣсяцъ не

550); такъ же называлъ его и современные ему участницы его, и самъ о. Феодоръ, причемъ *Игуменіей* называлась Варв. Вас. Любимова, *казначеей*—Антонина Ив. Дубровина, *будильщицей*—Марья Михайловна (ср. здѣсь же, письма II, V, V, XI, XIII, XV).

⁵) Екатерина Васильевна—Загорская, сестра Вар. Вас. Любимовой [3].

⁶) Дубровиной [3, 4].

⁷) Александра Васильевна—вѣроятно Снѣгирева, воспитанница Е. В. Загорской.

⁸) Это она называла себя будильщицей (ср. письмо XIII); но какъ ея фамилія—не знаю.

⁹) Ср. въ письмѣ II: „Анночкѣ вашей“.

¹⁰) Одна изъ нихъ—Дубровина, см. [3].

¹¹) Владиміръ Петровичъ—какой-то родственникъ Вар. Вас. Любимовой, за котораго она домогалась выдать Антонину Ив. Дубровину (см. дальнѣйшія письма); но изъ этихъ стараній получились однѣ непріятности, и „монастырь“ распался. Въ самый разгаръ непріятностей Влад. Петр. скончался.

¹²) Иванъ Дмитріевичъ—Леонтьевъ, казанскій помѣщикъ (* 1817, † 1859). Онъ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Загорской, сестрѣ Екатерины Вас. Загорской и Варв. Вас. Любимовой. Отсюда—связь о. Феодора съ Леонтьевыми [по восходящей вѣтви: Иванъ—Дмитрій—Александръ—Иванъ Большой—Осипъ—Романъ—Семень—Борисъ—Иванъ Мовка—Леонтій—Федоръ—Степанъ—Семень—Глѣбъ—Муруза Батуръ (Мееодій), XV в.]. Но у него была и другая еще связь съ Леонтьевыми, черезъ Анну Петровну *Еропкину*, дочь Петра Дмитріевича Еропкина и Елизаветы Михайловны Леонтьевой [по восходящей линіи: Михайль—Иванъ—Леонтій—Дмитрій—Борисъ—Иванъ Мовка и т. д.]. (Подробности генеалогіи Леонтьевыхъ см. въ: Князь А. В. *Лобановъ-Ростовскій*,—„Русская родословная книга“, Т. I, изд. 2-е, СПб. стр. 322-326; ср. также: „Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, СПб. 1873, Ч. I, стр. 211-212, Гр. *Бобринскій*,—Дворянскія роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссийской Имперіи, Ч. I, СПб. 1890, стр. 483-484).

могъ оставлять постели. Къ обыкновенной моей слабости и постоянной болѣзненности присоединилась еще простуда и доселѣ еще чувствую особенное изнеможеніе — остатокъ болѣзни.

На дняхъ посланы къ Вамъ, при хлопотахъ объ этомъ новаго война Дмитрія Ставиславича¹³, мои книжки *о картинѣ Иванова*. Покорѣйше прошу Васъ принять ихъ и по-немножку, какъ Вамъ угодно или придется, раздать, какъ обозначено въ приложенной къ нимъ запискѣ, писанной собственноручно Дмитріемъ Станиславичемъ. Только, помнится, въ запискѣ не обозначены Дмитрій Александр. и Вѣрочка—Корсаковы¹⁴; прошу Васъ дать и имъ по книжкѣ. Они,

¹³) 20 марта 1852 г. В. В. Лаврскій сообщаетъ, что „о. Феодоръ похваля служить въ Университетѣ,—хоронить студента,—Модеста Стан. *Нагловскаго*, гдѣ говорилъ надъ гробомъ его слово“ („Бог. В.“, 1906, Т. 2, Июль—Августъ, стр. 602). Слово это напечатано о. Феодоромъ въ книгѣ его „О Православіи въ отношеніи къ современности“. Модестъ Станисл. *Нагловскій*—племянникъ вышеупомянутаго [12] Ивана Дмитріевича *Леонтьева*, но сестра Нв. Д—ча Марья Дмитріевна *Леонтьева* (* 1819 † 1865) была замужемъ за Станиславомъ Антоновичемъ Нагловскимъ (Любаповъ-Ростовскій, *id.*, стр. 326 XV). Полагаю, что упоминаемый въ письмѣ Дмитрій Станиславичъ—также Нагловскій, братъ Модеста.

¹⁴) Десятилѣтія тогда Вѣрочка (Вѣра Александровна) и одинадцатилѣтній Дмитрій Александровичъ „*Митенька*“ въ „Воспоминаніяхъ В. В. Лаврскаго“ и „*Митя*“ въ письмѣ А. С. Бухаревой), впоследствии (съ 1881 г.) профессоръ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ—*Корсаковы*—были дѣтьми генерала Александра Львовича Корсакова и жены его Софьи Дмитріевны, рожденной *Кавелиной*, родной сестры Константина Дмитріевича. Объ отношеніяхъ о. Феодора и В. В. Лаврскаго къ семьѣ Корсаковыхъ (гдѣ послѣдній училъ дѣтей латвнскому языку и Закону Божию, по рекомендаціи о. Феодора) весьма много говорится въ „Воспоминаніяхъ“ о. Лаврскаго („Бог. В.“, 1906, Т. 2, Июль—Августъ, стр. 589 сл.; Т. 3, Сентябрь, стр. 26-60; Ноябрь, стр. 531-553), гдѣ дается много штриховъ и самой семьѣ Корсаковыхъ: ср. также у В. В. *Знаменскаго*,—Истор. Каз. Дух. Ак., Вып. III [2], стр. 203.—О *родѣ* дворянъ Римскихъ-Корсаковыхъ см.: П. Н. *Петровъ*,—Исторія родовъ Русскаго Дворянства, Т. I, СПб., 1886, стр. 385-387; тутъ же, на стр. 382, изображенъ и гербъ ихъ. Въ изданіи Н. П. *Лихачева*: „Генеалогія дворянъ Корсаковыхъ“, СПб., 1913, содержится и легендарное родопроисхожденіе Корсаковыхъ, составленное „отъ различныхъ историковъ“ въ послѣдней четверти XVII в., въ которой „во оубѣденіе предидущимъ вѣкомъ“, якобы, все „праведно написано“. Составитель этой генеалогіи, описывая, по его словамъ „не яко басни ивѣки сладкословесныя и украшены ложью, но правду истинную“, каковую можетъ подтвердить источниками, заявляетъ, что родъ свой

можетъ-быть, захотятъ кому подарить свои брошюрки, хотя бы сами и довольствовались экземпляромъ своей маменьки—Софьи Дмитріевны. И Его Превосходительству Александру Львовичу передайте мое глубочайшее почтеніе ¹⁵.

Антонинъ Ивановичъ ¹⁶ прошу отдать положенныя въ книжкѣ, (для отличія отъ прочихъ подписанной ея именемъ),— мои рукописные листики о картинѣ Иванова—продолженіе и окончаніе моего объ этомъ письма, начатаго нѣкогда безъ мысли о печатаніи.

Конечно, Вамъ желательно знать, каково мнѣ теперь жить—сравнительно съ Казанью ¹⁷. Скажу на это Вамъ, что здѣсь мнѣ много спокойнѣе, и самый даже климатъ для меня сноснѣе и лучше казанскаго, хотя и требуетъ особенной осторожности. Есть мѣста и люди, куда я могу и выѣхать къ полному утѣшенію и успокоенію моего духа. Разумѣется, что такихъ избранныхъ людей и мѣсть не много у меня и здѣсь,—но они *есть* и между свѣтскими и между духовными: все это—точно также, какъ было со мною и въ Казани. Слава Богу и благодареніе добротѣ и любви такихъ, какъ Вы!—Помнится,—въ Казани отправляясь къ Вамъ, Варвара Васильевна, или къ добрѣйшимъ Корсаковымъ или къ Горталовымъ ¹⁸,—иногда воображалъ я, будто отправляюсь въ Ду-
отъ нынешняго времени и до самаго Адама можетъ чиновиѣ [т. е. по поколѣннымъ росписямъ] вывести“, но ради исторической доказательности начинается не отъ Адама, а отъ Неврода. Чрезъ рядъ поколѣній онъ доходитъ до Сатурна, Юпитера и Геркулеса, а тамъ ужъ родословіе раскрывается пмъ совсѣмъ легко, по дорогѣ захватывая чуть не всѣхъ знаменитыхъ мужей древняго міра.

¹⁵) Его Превосходительство—А. Л. Корсаковъ [14].

¹⁶) Дубровиной [3].

¹⁷) 10 января 1858 г. архим. Феодоръ былъ перемѣщенъ изъ инспекторъ Казанской Духовной Академіи въ члены Петербургскаго Комитета Духовной цензуры и 28 января выѣхалъ изъ Академіи (*Т. Знаменскій*.—Ист. Каз. Дух. Акад., Вып. I. Казань. 1891, стр. 129). Изъ послѣдующихъ строкъ видно, что пишетъ онъ изъ Петрограда. А т. к. въ число братьевъ Переславскаго Никитскаго монастыря онъ поступилъ въ 1861 г. и въ февралѣ именно выѣхалъ изъ Петрограда, то промежутокъ времени, къ которому относится письмо, содержится между 28 января 1858 г. и февралемъ 1861 г. Его можно еще съюзить, если принять во вниманіе слова о смерти Ив. Дм. Леонтьева [12]. Т. к. онъ умеръ въ 1859 г., а о Феодорѣ пишетъ *послѣ* Новаго года, то письмо слѣдовательно относится къ 1860 г.

¹⁸) Дворянская семья *Горталовыхъ* тоже была близка съ о. Феодоромъ. *Г. И. Горталовъ*, казанскій помѣщикъ, былъ очень близокъ къ ректору

ховный Дивѣевъ — къ сестрамъ общины, любимой и духовно-оберегаемой праведнымъ отцемъ Серафимомъ. Теперь Богъ привелъ мнѣ узнать и Дивѣевскихъ сестеръ-иконописицъ, которыя живутъ, занимаясь Духовной живописью, — у Госпожи Шубиной¹⁹ (которая именно и мнѣ сама предло-

Казанской Духовной Академіи архим. Иннокентію и, вмѣстѣ съ сестрой послѣдняго дьяконницей А. Проскуряковой, былъ, по назначенію покойнаго, его душеприказчикомъ; это было въ маѣ 1868 г. (*Знаменскій*,—Ист. Каз. Дух. Ак., Вып. I, стр. 248).

¹⁹⁾ *Александра Николаевна Шубина* „была помѣщица, должно быть, Нижегородской губ., близъ Понетаевского Серафимовскаго монастыря, имѣвшая дома и въ Кронштадтѣ, гдѣ отецъ мой,—пишетъ Ек. А. Лебедева 9 окт. 1915 г.—, служилъ съ 1864—70 г. Ея отношенія къ о. Ѳеодору и къ намъ были близкія, хотя происхожденія ихъ я не знаю. Ея имя замѣшано и въ исторіи Дивѣевскаго и Понетаевского монастырей; въ послѣднемъ она была благодѣтельница, пожертвовавшая туца свои земли, — частью или всѣ, я не знаю. Объ исторіи Понетаевского монастыря, какъ онъ откололся отъ Дивѣевскаго, Вы слыхали? Одна изъ причинъ раскола было обвиненіе на Іеромонаха Іоасафа, руководителя Дивѣевскихъ, зачѣмъ онъ послалъ монахинь учиться живописи въ Академію Художествъ въ Петербургѣ. Эти монахини жили въ Петербургѣ во времена о. Ѳеодора, и какъ Шубина, такъ и онѣ, очень чтили его (не знаю, было это до отдѣленія Понетаева, или послѣ; должно быть, послѣ). Онѣ съ Шубиной и потомъ бывали у насъ, и отецъ мой уже въ 1896 г., увидѣвъ на Нижегородской выставкѣ отдѣлъ Дивѣевскаго монастыря, спрашивалъ у монахинь про одну художницу—монахиню *Рахиль*, бывшую уже глубокой старицей. У Шубиной обыкновенно бывали при ней одна-двѣ монахини, такъ что я даже упрекъ ей стороной слышала, что она, не будучи монахиней, имѣетъ ихъ при себѣ, какъ келейницъ. Въ 80-хъ годахъ она пріѣзжала къ намъ въ Петербургъ, и съ нею художницы—монахини привезли образъ Ап. Павла прямо дивной мозаичной работы. Анна Сергѣевна [Бухарева], съ своей стороны, изъ времени о. Ѳеодора помнить одну изъ жившихъ въ Петербургѣ живописицъ-монахинь *Марью Николаевну Крылову*, дворянку, съ задумчивыми голубыми глазами и неземнымъ какимъ-то выраженіемъ. Она очень чтила о. Ѳеодора—Александра Матвѣевича. У Аины Сергѣевны въ спальнѣ висятъ двѣ иконы, кажется, именно этой монахини,—Нерукотвореннаго Спаса и Умиленія—Божіей Матери,—послѣдняя особенно отличается нѣжностью кисти. Анна Сергѣевна очень дорожитъ этими иконами.—Шубина была близка къ фрейлинѣ Тютчевой, а та къ Государынѣ Маріи Александровнѣ. Мама рассказывала мнѣ про ея выраженіе: «Императрица, Тютчева и я».—Отъ этой-то Шубиной я и слышала лично въ 80-хъ уже годахъ обращенные ею къ отцу моему слова: „Помните, батюшка, какъ о. Ѳеодоръ, еще будучи здѣсь (т. е. цензоромъ въ Петербургѣ) говорилъ: «Если я сниму санъ, то и женюсь».“—Говорила она это отцу моему въ томъ смыслѣ, что о. Ѳеодоръ вступилъ въ бракъ отнюдь не по увлеченію, какъ понимали люди сторонніе, а по за-

жила средства къ отпечатанію книжки *о картинѣ Иванова*. Быть у нихъ—все одно, что быть и въ Вашемъ обществѣ.

Прилагаемое при семъ письмо прошу передать Александрѣ Ивановѣ Дубровиной²⁰.

Простите, добрѣйшая Варвара Васильевна.

Покорнѣйшій Вашъ слуга А. Теодоръ.

Его Высокопр. Отцу Клименту также прошу передать, съ моимъ глубочайшимъ уваженіемъ, книжку. Если въ книжкахъ будетъ недостатокъ, извѣстите,—пришлю.

II.

Добрая Варвара Васильевна! Господь благословить Васъ! Очень благодаренъ Вамъ за неослабѣвающую въ Васъ добрую память обо мнѣ. Деньги получилъ и за нихъ благодарю. Мнѣ и на новомъ мѣстѣ, слава Богу, хорошо и спокойно. Есть и здѣсь въ Переславлѣ Залѣскомъ добрыя и близкія ко мнѣ души, какъ были и въ Петербургѣ и еще прежде у Васъ въ Казани. Если немного и пришлось мнѣ потерпѣть, то и всѣ мы также терлимъ: Вы Казанскіе сочувствуете моему дѣлу и бременю, которое несу, много терпѣли и терпите,—кто только сердечно, кто и тѣлесно. Но дай Богъ и страдать по добромъ. Вотъ Антонина Ивановна²¹, глубоко чувствуетъ въ своей душѣ, что и вся природа по благодати Христовой должна быть понимаема въ наукѣ и въ жизни какъ просто рай Божій, и мужичекъ—самый первый

ранѣ намѣченному идеальному намѣренію“. Къ сообщенному здѣсь добавить еще нѣсколько свѣдѣній, заимствуя ихъ изъ брошюры „Подвижница благочестія Александра Николаевна Шубина и основанный ею Воскресенско-Теодоровскій женскій общежительный монастырь“, М., 1916, IV+96 стр. (со многими изображениями, въ томъ числѣ и самой А. Н. Шубиной). А. Н. Шубина родилась 17 августа 1816 г. въ с. Вахтинѣ Ярославской губ. Даниловскаго у. у мѣстныхъ помѣщиковъ Николая Петровича и Анны Михайловны Шубинныхъ. Имѣніе въ с. Воскресенскомъ-Сергѣевѣ Шуйскаго у. Владимірской губ. было приобретено ею, съ помощью родственниковъ, сперва ради помощи дядѣ, а потомъ она открыла въ немъ Воскресенско-Теодоровскую женск. общину (1881 г.), затѣмъ—монастырь (1899). † 8 февраля 1898 г., двѣдцетилѣт.

²⁰) См. [3].

²¹) Дубровина, см. [3].

владѣтель того рая; но не можетъ она не чувствовать и того, что и вѣра въ насъ и наука и жизнь далеко, далеко не такъ трактуетъ природу,—это еще хорошо, если смотрятъ, на нее какъ на крѣпостную рабу. А чувствуется, что это не такъ. А никто не растолкуетъ, какъ же это должно быть, никто не знаетъ и не хочетъ, какъ въ природѣ открыть благодатный освѣжающій науку и жизнь и самую вѣру источникъ теперъ заключенный и заваленный каменьями по нашей милости. И становится Антонинъ Ивановичъ тяжело на душѣ, и это отзывается затаенною болѣзнію и въ самомъ тѣлѣ. Помню я какъ мы были у Васъ, Варвара Васильевна, въ деревнѣ, осматривали старую церковь, ходили по полямъ, любовались сельскими видами. Во всякомъ движеніи воздуха, въ каждомъ колоскѣ и травинкѣ слышалась выраженная въ нихъ мысль всещедрого нашего Небеснаго Отца, осуществленная именно возлюбленнымъ Его Сыномъ и проникнутая Его Духомъ Утѣшителемъ,—мысль во Христѣ не недоступная и намъ плотянымъ и грѣшнымъ. Помню какъ теперь, что вся душа Антонины Ивановны точно разцвѣтала въ живомъ, хотя бессознательномъ, можетъ быть, ощущеніи этой великой тайны природы, она какъ будто была тогда другимъ новымъ человѣкомъ, какъ достойная невѣста челоувѣколюбиваго Жизнодателя—Господа нашего. Она сказывала мнѣ, что и маминька ея, когда она прямо изъ вашей деревни къ ней пріѣхала, не вдругъ узнала ее... Помните ли вы это?... И потомъ опять все закрылось, все пошло по своему обычному зачерствѣлому пути. И Антонинъ Ивановичъ тяжело и трудно. Но утѣшься страждущая душа! Своею болѣзнію и скорбію, въ которой и сама не умѣешь, можетъ быть, дать отчета, ты выносишь или выстрадаешь нужное и дорогое всѣмъ намъ. Больше я ничего не могу сказать въ ободреніе и утѣшеніе себѣ и вамъ и вашей домовитой *казначей*, какъ подъ конецъ моего пребыванія въ Казани называли мы Антоницу Ивановну, величая въ тоже время васъ *Игуменію*. Богъ съ вами! Дай Богъ, чтобы духъ истиннаго монашества, чуждаго фарисейства и ханжества, не ослабѣвалъ въ вашемъ благословенномъ домѣ. Кланяюсь Екатериинѣ Васильевнѣ съ Александрой Васил., Владиміру Петровичу съ супругой, Анночкѣ вашей, Корсаковымъ, Горталовымъ, всѣмъ Дубровинымъ—начиная съ мамыши, обнимъ

Оливкамъ. Передайте мой поклонъ и матери Варсонофii (бывшей Ироидѣ). Господь со всѣми вами! Если увидите съ о. Григоріемъ,—и ему мой поклонъ. Простите—вашего въ Господѣ, А. Феодора. Приложенную четверточку передайте Александрѣ Ивановнѣ Дубровиной.

Будьте такъ добры,—Варвара Васильевна, — постарайтесь, взявъ и Антонину Ивановну вмѣстѣ и съ Александрой Ивановной,—повидать добрую старушку—мать покойнаго Павла Николаевича Кожевникова²². Скажите ей мое сыновнее почтеніе и участіе въ понесенной ею утратѣ добраго сына; но въ самомъ дѣлѣ онъ не утраченъ, а найденъ въ Господѣ, у котораго всѣ живы. Будьте такъ милостивы! исполните мою просьбу. Скажите также старицѣ Божіей, что письмецо ея мною получено съ любовію и благодарностію. При случаѣ, матушкѣ Игуменіи Досіеѣи поклонитесь отъ меня.

3 Іюня 1861 г.

III.

Добрая Варвара Васильевна! Поздравляю Васъ съ великими праздниками и съ новымъ годомъ. Благодарю Васъ за неизмѣнное доброе расположеніе ваше ко мнѣ. Сожалѣю о затрудненіи, въ которое попали Вы отъ смерти вашего родственника, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи ваши деньги. Дай Богъ, чтобы и это затрудненіе послужило къ добру и въ свое время привело къ утѣшенію. Особенно же дай Богъ,

²² Въ Обшій Гербовникъ внесены двѣ фамиліи: 1^о, потомки выѣхавшаго въ 1509 г. въ Крымъ мурзы Кожая (Герб. VII, 20) и 2^о, Аванасій Кожевниковъ, калужскій 1-й гильдіи купецъ („въ воздаяніе челоуѣколюбиваго подвига, оказаннаго спасеніемъ пятнадцати челоуѣкъ утопающихъ въ рѣкѣ Дпѣврѣ 11 Іюня 1816 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени, а 3 ноября 1835 г. пожалованъ ему съ потомствомъ дипломъ на дворянское достоинство“ (Герб. XI, 55) (Гр. А. *Бобринскій*,—Дворянскіе роды, Ч. 1, стр. 618; Ч. 2, стр. 628). Къ которому изъ этихъ родовъ принадлежатъ упоминаемый въ письмѣ Павелъ Николаевичъ,—мнѣ неизвѣстно. У Лобанова-Ростовскаго (Рус. Родосл. Кн., Т. 1, изд. 2-е, СПб. 1898, стр. 316) въ родословной росписи Левшиныхъ упоминается, что родившаяся въ началѣ XIX в. Анна Павловна Левшина была замужемъ за Кожевниковымъ, но не знаю, та ли это семья.—Былъ еще въ 1849 г. Саратовскій губернаторъ Кожевниковъ, но опять не знаю, отецъ ли Павла Николаевича.

чтобы становясь съ текущими годами лучше, сознать себя худшими,—какъ Вы и дѣлаете.

Больше писать пока нечего мнѣ. О себѣ же скажу: живу себѣ по немногу. Кое-что читаю. Кое-что пишу по временамъ, или исправляю прежде писанное. Служу, когда Богъ дастъ; за священнослуженіемъ иногда говорю попросту, безъ тетрадки и даже безъ налая, коротенькія поученія, духъ и сила которыхъ вамъ уже извѣстны или памятны изъ моихъ личныхъ собесѣдованій въ вашемъ обществѣ.—

Письмо Ваше влагаю въ одинъ конвертъ съ дѣловымъ письмомъ къ Антонинѣ Ивановнѣ. Кланяюсь Екатеринѣ Васильевнѣ съ Александрой Васильевной ²³,—также и Владиміру Петровичу съ его супругой и всѣмъ Горгаловымъ,—также и всему семейству Корсаковыхъ. Отвѣчать Александрѣ Ивановнѣ буду уже въ письмѣ въ Нижній-Новгородъ,—вмѣстѣ съ нею и Валеріану Викторовичу ²⁴.

Матери Павла Николаевича Кожевникова ²⁵ при случаѣ передайте мой сыновній поклонъ.

Простите Вашего въ Господѣ А. *Оеодора*.

31 Декабря 1861 года.

IV.

14 іюня 1862 г.

Сестра моя въ Господѣ Антонина Ивановна!

Господь съ Вами.—

Пишу вамъ на другой день вашего Ангела. ²⁶ Поздравляю Васъ съ этимъ благословеннымъ днемъ, желая Вамъ всякаго нужнаго и спасительнаго для васъ Божіа дара. Особенно желаю вамъ возрастить въ себѣ, по благодати Божіей, христіанское и равноангельное участіе къ тяжелому положенію другихъ, какъ къ собственному своему бременю.

Мнѣ не хочется, чтобы вы уходили изъ духовно-родного вамъ дома ²⁷. Сколько извѣстны мнѣ ваши общія дѣла и души,

²³) Т. е. Загорской и сестры ея, что была за Леонтьевымъ.

²⁴) Валеріанъ Викторовичъ—Лаврскій, въ то время уже женпвійся на Александрѣ Ів. Дубровиной.

²⁵) См. [22].

²⁶) Т. е. 13 іюня.

²⁷) Варвары Васильевны Любимовой.

въ васъ могутъ нуждаться духомъ своимъ другія. Мой советъ: переговорите откровенно объ этомъ затаенномъ вашемъ намѣреніи съ Варварой Васильевной (какъ, вспомните дни оны, съ игуменьей вашей), напередъ выпроси въ ея слова, что она будутъ судить безъ пристрастій. Но я увѣренъ, что вамъ, какъ истинной родной, будетъ всегда открытъ этотъ домъ; вы отъ него не отлучитесь внутренно ни съ вашей, ни съ другой стороны. И то правда, и прекрасно,—осмотрѣться, не можете ли гдѣ быть нужнѣе и полезнѣе другимъ въ Господѣ.—

Что до болѣзненности Александры Васильевны²⁸, я могу сказать вамъ одно: знаете, кто болѣзни наши принялъ и недуги, даже тѣлесные, понесъ на Себѣ Своею вѣрою; относите болѣзнь къ Самому человѣколюбивому нашему Господу какъ уже Его собственность ради Его страданій за насъ; помогите своею вѣрою вашей ученицѣ и теперь уже подругѣ нести болѣзненность свою такъ, чтобы раздѣлять съ Самимъ Господомъ эту благодатную Его собственность, стоившую Ему такъ дорого; потому что Онъ, неся наши недуги и болѣзни въ самомъ ихъ корнѣ, долженъ быть пролить кровь свою и умереть на крестѣ. И благодарите Господа за такую Его благодать. И Господь устроитъ о вашей Сашенькѣ²⁹ лучшее, что Ему угодно. Жизнь и смерть—только бы въ Немъ—благодать Божія! Унывать не отъ чего. Привлекайте къ вашей подругѣ благодать Христову вѣрою въ Него, принявшаго наши недуги, и благодарною къ Нему за это любовь; и вѣяніе благодати усладитъ и облегчитъ болящую. Тоже скажите при случаѣ и Екатеринѣ Васильевнѣ³⁰.—

У меня на вербной недѣлѣ скончалась маминька; помяните рабу Божию Марѳу³¹.

²⁸) Свѣгиревой, ученицы Афт. Ив-ны Дубровиной, воспитавицы Ек. Вас. Загорской.

²⁹) Она же, см. [8].

³⁰) Загорской.

³¹) Въ 1862 г. Пасха праздновалась 8 апрѣля (*И. П. Докучинъ*,—Вѣчный календарь православной церкви въ таблицахъ. Рязань, 1914, стр. 9), следовательно, вербное воскресенье падаетъ на 1 апрѣля. Мать о. Феодора—Марѳа—скончалась 28 марта 1862 г. (см. 27-е письмо его къ А. А. Лебедеву, „Вог. Вѣсти“, 1915, Т. 3, Окт.—Нояб.—Дек., стр. 448), въ Переславскомъ женскомъ Феодоровскомъ монастырѣ, гдѣ и погребена. Тамъ можно видѣть ея, совсѣмъ уже заросшую, могилку.

Мой трудъ многихъ лѣтъ—истолкованіе Апокалипсиса,—уже одобренный цензурою, запрещенъ Синодомъ. И это повело меня къ рѣшимости [*жить*] изъ монашескихъ моихъ отношеній къ начальству: я подалъ просьбу о разстриженіи. Больше мнѣ не чѣмъ, по моимъ воззрѣніямъ, выразить ревности моей за слово Божіе. Пусть и меня бросаютъ, коли дѣло Божіей истины бросили! Но это говорю не въ смыслѣ вражды. Всѣмъ кланяюсь у васъ, начиная съ вашей мамыши. Простите готоваго всегда служить вамъ въ Господѣ, А. Феодора.—

Письмо мое, что касается въ немъ меня, можете прочитать принимающимъ во мнѣ участіе, не исключая и матери Варсонофіи, (прежней Ироидѣ), которую нарочно посѣтите за меня.

Матерь Божія со всѣми вами!

V.

25 Ноября 1862 г.

Добрая Варвара Васильевна! Благодарю Васъ и мать Варсонофію за деньги—ваши 14 руб. и ея 1 руб. Не писалъ я вамъ долго потому, что и вы тоже не писали, — я на ваше прежнее письмо отвѣтилъ безъ замедленія, развѣ вы не получили этого письма моего. До вашего письма я и не сталъ бы писать къ вамъ; потому что, по моимъ обстоятельствамъ, многіе соблазняются мною и не хотятъ ужъ знать меня, а я не хочу никому навязываться. Дай Богъ, чтобы вы принадлежали къ числу немногихъ истинныхъ *присныхъ* моихъ, которые не соблазняются моею рѣшимостію оставить монашескій образъ. Въ средѣ монашества стали меня стѣснять въ самомъ служеніи слову Божію; мнѣ такого монашества не нужно, потому что я и въ монашество пошелъ ради слова Божіей истины. Не хотятъ внимать ученію, что и въ земномъ и въ мірскомъ надо намъ служить Господу, — что священство намъ дано для послуженія именно тому, чтобы и всѣ были духовно *цари и іереи Богу и Отцу*: ну, такъ—надо дѣломъ взяться за это, чтобы, и ставъ въ ряду мірянъ, быть вѣрнымъ благодати царственнаго священства, къ которому всѣ призваны. Но не хочу итти, даже и во внутренней моей мысли, противъ православной іерархіи, т. е. ее винить, а себя оправдывать: потому что иду я на позоръ растриженія, подъ епитимію церковную, какъ самъ виноватый. Трудно при

этомъ сохранить чувство искренней любви къ обижающимъ, трудно удержаться въ сердечномъ союзѣ съ враждующими, особенно съ тѣми, которые не совѣмъ право правятъ слово Божіей истины: на это самое беру руку жены—помощницы, понимающей мое дѣло, сочувствующей и готовой содѣйствовать моему дѣлу въ Господѣ. Но этимъ соблазняются; что же? Въ отношеніи ко мнѣ, начали еще прежде соблазняться раскрываемою мною истиной, что Христосъ за всѣхъ умеръ. Когда же крестомъ Христовымъ стали соблазняться: то съ такими людьми ужъ нечего чиниться,—пусть соблазняются стремленіемъ моимъ къ участию въ той крестной Христовой любви къ намъ, что Онъ ради насъ сошелъ съ небеснаго монастыря не равноангеловъ только, а всѣхъ святыхъ ангеловъ, и избралъ Себѣ невѣсту-Церковь изъ насъ грѣшныхъ, людей, являсь въ мірѣ какъ Самъ виноватый за чужія для Него вины всего міра: Онъ совершилъ наше спасеніе, а я хочу только спасти[сь] чрезъ усвоеніе себѣ Христа-Спасителя міра, чрезъ сообщеніе духу Его человѣколюбія. Вотъ и все!—Прочитайте это письмо во всемъ собраніи вашей домашней церкви или вашего монастыря, т. е. при Екатеринѣ Васильевнѣ, Антонинѣ Ивановнѣ, Александрѣ Васильевнѣ, которымъ всѣмъ мой искренній поклонъ. Дайте прочесть и матери Варсонофіи, которую извѣщаю, что я, въ настоящихъ обстоятельствахъ, скорблю не болѣе всегдашнихъ моихъ скорбей. О чемъ мнѣ горевать? Господи помилуй! Я иду не отъ Господа, а съ Господомъ и къ Господу.

Что касается до внѣшняго положенія,—у меня собственныхъ внѣшнихъ средствъ ³², у избранной моей ³³ тоже не болѣе. Еще и не знаю, гдѣ найду приклонить голову.

Простите родныя мои! Кланяюсь съ любовью Владиміру Петровичу съ супругою. За Анночку и Олиньку радуюсь. Корсаковымъ и Горталовымъ передайте мои искренніе поклоны, если будутъ о мнѣ спрашивать. Также маминькѣ и

³²) Вѣроятно пропущены слова: „весьма мало“ или „нѣтъ“. *Ред.*

³³) Т. е. *Анны Сергѣевны Родышевской*, впоследствии Бухаревой, дочери Переславскаго помѣщика Сергѣя Ивановича Родышевскаго. Добавимъ еще, что старшій изъ братьевъ Родышевскаго—Феодосій (Феодосій) Ивановичъ—жилъ въ Петроградѣ и что былъ еще братъ, Николай Ивановичъ, неудачливый въ жизни; этотъ послѣдній весьма поддерживалъ Бухаревыхъ, послѣ ихъ женитьбы, когда почти всѣ отъ нихъ отвернулись. Ср. [30].

сестрамъ Антонины Ивановны. Простите, добрая Варвара Васильевна, Вашего въ Господѣ А. *Теодора*.

VI.

Добрая Варвара Васильевна! Благодарю Васъ за доброе письмо и деньги; послѣднія—если не отъ васъ самихъ, то, думаю, отъ Екатерины Васильевны съ Антониной Ивановной и Александрой Васильевной. Благодарю! Мнѣ тѣмъ болѣе дорого выраженіе вашего участія въ моемъ положеніи, что ни я, ни избранная мною, (о которой ваше сужденіе вполнѣ справедливо), не имѣемъ на что рассчитывать въ будущемъ, кромѣ Самаго Господа и Его благодати. Теперь все еще продолжается время „увѣщанія“ въ самомъ монастырѣ³⁴; послѣ для того же вызовутъ въ Консисторію; и не иначе, какъ чрезъ три мѣсяца слишкомъ, конецъ всѣмъ мытарствамъ. Письма продолжайте писать по прежнему адресу. О ходѣ моего дѣла буду васъ извѣщать. Главное,—да подастъ вамъ и мнѣ Господь и Спаситель нашъ, чтобы и въ земномъ узнать и вкусить любовь Отца Небеснаго, принесенную Сыномъ Его на землю для грѣшныхъ людей и дѣйствующую именно Св. Духомъ въ приѣмлющихъ умахъ и сердцахъ!

Здоровъ ли у васъ Владыка Аѳанасій³⁵?

³⁴) Переславскомъ Никитскомъ.

³⁵) *Аѳанасій*, архіепископъ Казанскій съ 1856 по 1866 г., когда онъ ушелъ на покой († въ нач. 1868 г.). Это—тотъ самый ректоръ Тверской Семинаріи, при которомъ туда въ 1837 г. поступалъ А. М. Бухаревъ, архимандритъ Аѳанасій, который былъ пораженъ и растроганъ блестящими способностями поступающаго (см. *В. Колобовъ*,—Исторія Тверской Духовной Семинаріи, Тверь, 1889, стр. 342-348). Архіепископъ Аѳанасій, въ міру Андрей Соколовъ, былъ воспитанникомъ Костромской Семинаріи и Петербургской Академіи, 6-го курса, бакалавромъ Петербургской Академіи, инспекторомъ Псковской Семинаріи, ректоромъ Харьковскаго Коллегіума, Черниговской, Тверской, Петербургской Семинарій, епископомъ Томскимъ, Иркутскимъ и архіепископомъ Казанскимъ. Онъ прибылъ въ Казань, когда А. М. [Бухаревъ],—писеть Анна Сергѣевна Бухарева въ 1916 г.—, былъ уже инспекторомъ. Былъ уже онъ [Преосв. Аѳанасій] тогда глубокой старецъ. Есть о немъ въ одномъ письмѣ (А. М. Бухарева) къ Еропкиной, которая жила въ своемъ имѣніи. А. М. (Бухаревъ) рассказываетъ ей, какъ онъ встрѣтилъ вмѣстѣ съ другимъ духовенствомъ новаго Преосвященнаго—Аѳанасія,—и, когда подошелъ къ нему, Преосвященный сказалъ: „Здравствуйте, о Вы, котораго я лобызалъ въ своихъ сновидѣніяхъ“.

Всѣмъ вашимъ, начиная съ Владиміра Петровича и кончая Анночкой съ Олиньюкою, мои привѣтствія въ Господѣ

Простите вашего А. *Ободора*.

1863 года 16-го Января.

Примите поздравленіе и съ Новымъ Годомъ.
Матери Варсонофіи кланяюсь.

VII.

23 Ноября 1864 г.

Добрая и дорогая Антонина Ивановна! Пишу вамъ отвѣтъ среди дорожныхъ сборовъ изъ Твери въ село Млево³⁶, гдѣ

³⁶⁾ Вѣроятно, разумѣется отвѣздъ къ одному изъ зятъевъ Бухарева, что было вызвано домашними ссорами въ семьѣ брата его Арсенія Матвѣича, съ которымъ жилъ онъ сперва. По рассказамъ Аины Сергѣевны Бухаревой, записаннымъ Ек. А. Лебедевой, „у Александра Матвѣевича былъ младшій братъ Арсеній; онъ былъ любимцемъ матери, „Арся“. А. М. прежде, ради матери, много помогаль ему въ ущербъ сестрамъ, изъ которыхъ младшая, Анна Матвѣевна, была на бѣдномъ мѣстѣ.

„Арсеній Матвѣевичъ вышелъ въ Тверь діаконѣмъ; жена его была женщина, „легендарнаго“ характера, а самъ онъ былъ добрый, но слабый, и какъ видно, подъ властью жены. Впослѣдствіи, когда онъ вышелъ куда-то въ село во священники, про жену его рассказывали, что она, подравнившись съ кѣмъ-то, чуть ли не съ самымъ мужемъ, ударила въ набать и тѣмъ исполнила все село.

„Послѣ снятія А. М-чемъ сана, Арсеній Матвѣевичъ пригласилъ его съ Анной Сергѣевной жить къ нимъ, говоря, что домъ на двѣ половины, и что они могутъ занимать одну. Священникъ его церкви говорилъ ему, зачѣмъ онъ зоветъ брата, зная характеръ жены: Арсеній Матвѣевичъ отвѣчалъ, что сама жена его желаетъ, говорить: „Мы такъ братцу обязаны“.

„Алексе. Матвѣевичъ съ Анной Сергѣевной поселились у нихъ, и онъ выдалъ имъ 50 р.,—они должны были жить у нихъ на полномъ содержаніи. Этого должно было хватить на долго, потому что сама квартирка могла стоять во тогдашнимъ цѣнамъ не болѣе 4 р. въ мѣсяць. Но прошло 10 дней, и Арсеній Матвѣевичъ, по порученію жены, пришелъ къ нимъ за деньгами. Тогда Ал. Матвѣевичъ, сначала съ ними не уговорившись, сказалъ, что надо опредѣлить плату помѣсячно,—онъ, конечно, не могъ тратить столько денегъ. Невѣстка отъ этихъ словъ такъ разсвѣрилась, что оставаться было уже невозможно. Она и раньше дѣлала такъ: Ал. М-чу докторъ отъ желудка совѣтовать употреблять каторъ—она купитъ бутылку, а невѣстка придетъ попросить для больного ребенка и выльетъ чуть не всю бутылку. Такъ же быстро выходилъ ихъ собственный чай и сахаръ. Теперь же она прямо перестала давать имъ ѣсть, перестала за-

и будемъ жить, сколько Богъ дастъ. Ваше письмо, хотя вы и называете его грустнымъ, меня много утѣшило и порадовало. Вижу, что мое родное въ Казани еще живо и цвѣтеть и даже приносить плоды по своему роду. Слава Создателю нашему—Богу!—

О болѣзни Парасковьи Андреевны, съ соучастьемъ къ ней скажу, что, когда Самъ Сынъ Божій за насъ страдалъ и болѣлъ своею плотію, то для вѣрующаго въ Него болѣзнь есть уже благодать общенія въ Его болѣзняхъ. „Онъ недуги наши принялъ и болѣзни понесъ“, по слову Божию въ Ветхомъ (у Исаи) и Новомъ (у Ев. Матѳея) Завѣтѣ. Значить наши недуги и болѣзни составляютъ уже по Его человѣколюбію, собственность Его Самаго, которою слѣдовательно Онъ только дѣлится съ нами, своими сообщниками. Поэтому со-

нпть имъ комнату,—а было уже холодно. У Анны Сергѣевны гостила одна ея хорошая знакомая *Настасья Алексѣевна* (или *Васильевна*), ея лѣтъ или даже моложе; она пріѣхала погостить и поучить А. С-пу хозяйству (та объ немъ, кажется, понятія не имѣла въ буквальномъ смыслѣ слова). Ихъ комнату отдѣляла отъ сосѣдней половины, гдѣ жили хозяйка, стеклянная дверь; стекла были заклеены бумагой. Невѣстка разъ отдрала бумагу, и онѣ увидали ея злое лицо, глядящее на нихъ (Ал. М-ча не было дома),—онѣ со страхомъ прижались другъ къ другу на диванѣ; а та не бранилась, а только зло глядѣла.—У Ал. М-ча и А. С-вны были квасы въ бутылкахъ, на погребѣ. Она попросила достать бутылку. Невѣстка отвѣчала въ такомъ смыслѣ, что молъ чѣмъ она меня лучше, что за барыня, пусть сама достаетъ. А А. С. никогда въ жизнь не спускалась въ погребъ.

„Ал. М. пошелъ искать квартиры,—но это было для него трудно, города овъ въ этомъ отношеніи не зная. А съ ними познакомились *Никулины*; Никулины самъ былъ хозяиномъ типографіи, потому онъ былъ вице-губернаторомъ. Это были прекрасные люди; они очень полюбили А. М-ча. Узнавъ, что они пужаются въ квартирѣ, Никулины сейчасъ же съ радостіемъ предложили имъ у себя мезонинъ и стали уговаривать переселиться къ нимъ. Но А. С. узнала, что у нихъ амосовскія печи, а она слышала, что это отклоненіе вредно. Она пошла спросить у доктора, сказавъ ему, что Ал. М. страдаетъ легкими. Докторъ отвѣтилъ, что отнюдь нельзя ему переѣзжать въ это помѣщеніе. Тогда А. М. нанялъ квартиру. Никулины прислали имъ всѣхъ рабочихъ своей типографіи, и тѣ въ нѣсколько минутъ перенесли ихъ вещи.

„*Арсеній Матвѣевичъ* при этомъ говорилъ брату: вотъ видишь, ты все противъ буквы; а это все буква сдѣлала,—разумія требованіе Ал. М-ча, чтобы положить опредѣленную плату въ мѣсяцъ. Ал. М. очень на это смѣялся; но на брата очень досадовало за его безхарактерность, и вообще эта исторія и поступки невѣстки возмущали его“.

страданіе къ болящей должно быть проникнуто и радостью грустной души о щедрости благодати Господней: чрезъ это вы помощей [поможете?] больной входить въ благодатное соучастіе Христовыхъ болей и страданій. Конечно, утвердиться въ такомъ настроеніи требуетъ подвига вѣры. Вотъ, моя Анна Сергѣевна ³⁷, по соучастію ко мнѣ, съ трудомъ думаетъ о моей обычной болѣзненности, какъ о любезномъ дарѣ Христовомъ. Соучастіе въ страдальческихъ скорбяхъ Господа и вводитъ въ духъ той Его любви къ людямъ, по которой Онъ пострадалъ за нихъ, своимъ „я“ отвѣчая „я“ каждого изъ насъ; но только живую вѣрою можно усвоить эту благодать. Все это вы знаете!—

Что касается до молодого человѣка, помилованнаго Господомъ, вотъ что скажу вамъ, Антонина Ивановна:—Вы знаете, что я давно занимаюсь изслѣдованіемъ Апокалипсиса, по обыкновенному научному порядку. Изъ откровенія Іоанна Богослова можно усмотрѣть, что звѣри невѣрующаго Христу разума и противохристіанскаго научнаго направленія уже осуждены на то, чтобы вживѣ схватить ихъ, какъ открытую адскую ложь и нелѣпость. Итакъ человѣку науки, узнавшему Христа, пришлось только упредить другихъ въ дознаніи, что безъ Христа наука есть нелѣпость и что истина, искомая и слѣдимая наукою, сосредоточивается во всеобъемлющемъ Богѣ Словѣ Христвѣ, который все доброе въ насъ и мірѣ, начиная съ нашего бытія, даетъ отъ полноты своей благодати, а все наше худое взялъ и понесъ тоже на Себѣ Самомъ. Такой счастливецъ, кажется, долженъ своимъ духомъ слышать, какъ и другіе люди и дѣти науки самымъ невѣденіемъ истины вопіютъ къ нему с помощью— въ дознаніи истины. Вѣдь ложь и нелѣпость невѣрія— это ни болѣе, ни менѣе, какъ пожаръ или утопаніе на смерть, особенно для занимающихся наукою. Пусть молодой человѣкъ, смотря на своихъ товарищей, помнить, что Самъ Господь, еще стоящимъ своимъ „я“ за гибнущее „я“ каждого изъ нихъ, умоляетъ имѣть жалость если не къ нимъ, то къ Нему Самому, къ святой Его плоти и крови, за нихъ пожертвованнымъ. Это пусть онъ дѣлаетъ сначала въ тишинѣ своего духа, а тамъ самъ Господь даетъ ему случаи къ объ-

³⁷) Т. е. супруга, рожденная Родышевская [33].

ясненію истины тому или другому или и многимъ заразъ. Надо жалѣть и спасать людей и науку гибнущую изъ-за нашихъ глупостей. Только это пусть будетъ и безъ малодушья и безъ шумливой рѣзкости, и такъ просто и прямо, какъ просто и прямо помогаютъ людямъ въ вопіющихъ нуждахъ. Надо и честь, благородство также спасать; это вѣдь все—Христово, только крадомое у Него нашимъ глупымъ тщеславіемъ или унижаемое ложнымъ нашимъ стыдомъ и неблагороднымъ малодушіемъ. Христосъ съ вами и съ Варварой Васильевной, которую поздравьте и за насъ, Богъ дастъ, съ Ангеломъ (если можно, то дайте и ей прочитатъ это письмо,—я не имѣю теперь времени прибавлять къ ней особаго письма), и со всѣми вами! Ваши *Александръ и Анна Бухаревы.*—

Адресъ и для васъ и для Нижегородскихъ друзей: *Въ Вышній Волочекъ Твер. губ. священнику села Млева о. Иоанну Алексѣвичу Георгіевскому, для передачи и проч.*

Р. С. Сообщите, на случай, мой адресъ и больничному священнику Ивану Ивановичу Пылаеву⁸⁸ съ моими поклонами ему и Ольгѣ Петровнѣ—женѣ его; онъ взялся продать нѣ-

⁸⁸) *Иванъ Ивановичъ Пылаевъ*—воспитанникъ Тверской, затѣмъ Казанской Духовной Семинаріи. Отъ поступленія на училищную службу отказался и въ 1856 г. посвященъ въ священники Казанскаго кафедральнаго собора. Потомъ служилъ при гралской больницѣ. † 1866 г. (*Знаменскій*,—Ист. Казанск. Духовн. Акад., Вып. III, стр. 370; о немъ же еще *id.*, стр. 126). Другіе Пылаевы, учившіеся въ Тверской Семинаріи—*Теодоръ Ивановичъ* (поступилъ въ 1846 г. въ Казанскую Дух. Академію изъ Кіевской) и *Геромонахъ Паисій*, бывшій въ Казанской Академіи бакалавромъ, экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ въ 1845—1854 гг.—*братья Ивана Ивановича*. Они были сыновьями Вѣжецкаго священника и были извѣстны о. Теодору (Бухареву) вѣроятно какъ земляки. Подробности о нихъ см. въ „Ист. Каз. Дух. Ак.“ П. В. Знаменскаго, по указателю. Повидимому, младшіе братья были привязаны другъ къ другу и находились подъ вліяніемъ о. Паисія (они изъ Кіевской Академіи перевелись въ Казанскую, чтобы быть при братѣ, см. у Знаменскаго, *id.*, Вып. III, стр. 126). Это заставляетъ думать, что они раздѣляли и містическа-мистическое настроеніе о. Паисія, подававшее даже поворотъ къ елѣтнямъ о его хлыстовствѣ (*Знаменскій*, *id.*, Вып. I, стр. 100-103; ср. Вып. III, стр. 308). Если такъ, то тогда устанавливается точка соприкосновенія между о. Ив. Ив. Пылаевымъ и о. Теодоромъ (Бухаревымъ) и объясняется, почему о. Иванъ Пылаевъ „взялся продать нѣкоторые книги“ о. Бухареву.

которыя мои книги. Кстати: читали ли вы мои письма *о благодати таинства*? Прочитайте. Эту книжку, кажется, въ Казан. книжныхъ лавкахъ можно найти.

Мы живемъ—слава Богу! Если до лѣта доживемъ, то можетъ быть, Богъ дастъ, и сами побываемъ въ Казани и Нижнемъ. Село Млево въ 40 верстахъ отъ Вышняго Волочка.

VIII.

13 Января 1866 г.

Получилъ ваше грустное письмо, дорогая Антонина Ивановна! Въ тотъ же самый день пишу вамъ и отвѣтъ.

Оба письма, писанныя къ Варварѣ Васильевнѣ, писалъ я—имѣя въ виду только одну сторону, именно В. П.³⁹; потому что объ Васъ, въ этомъ отношеніи, не имѣлъ никакихъ свѣденій. Да и теперь знаю не много больше. Я совсѣмъ не понимаю, отчего около году такая глубокая и непреодолимая грусть завладѣла вами. Во первыхъ, прекрасный законъ жить для другихъ и скорбѣть ихъ горемъ какъ своимъ,—этотъ Христовъ законъ есть законъ свободный, а не рабскій или угнетающій. По этому закону надо браться только за то, къ чему въ глубинѣ духа ощущается свободное, хотя бы тихое и даже робкое предъ тяжестью жертвы, стремленіе. А если чувствуете только что-то гнетущее васъ, иссушающее всякую радость, то скажите себѣ, что „я—моль еще слишкомъ не доросла для несенія подобнаго ига“, и, безъ всякаго внутренняго истязанія себѣ, свободно и безъ всякаго медленія откажитесь отъ непосильнаго дѣла. Такъ лучше подростете для подобныхъ дѣлъ. Это вообще. Во вторыхъ, что касается особенно брачныхъ отношеній, въ эти отношенія въ особенности надо входить не рабски, а свободно. Союзъ Христа съ Церковію—высочайше свободенъ съ той и другой стороны: это должно отображаться и въ брачномъ союзѣ, какъ верховный первообразъ. Бываетъ, и это обыкновеннѣе всего, что женятся или выходятъ замужъ безъ особенной любви и потомъ привыкаютъ другъ къ другу, иногда

³⁹ В. П. — Владимиру Петровичу, родственнику Варвары Васильевны Дубльмовой (см. [14]), котораго эта послѣдняя собиралась женить на Антонинѣ Ивановнѣ Дубровиной.

даже истинно полюбить другъ друга или просто жить—себѣ въ мирѣ и согласіи. Но когда, съ мыслию о брачныхъ отношеніяхъ къ извѣстному лицу, овладѣваетъ сердцемъ такая скорбь, что чуть не завидуешь покойникамъ, то это, думается мнѣ, можетъ происходить отъ трехъ причинъ—или отъ глубокой антипатіи къ извѣстному лицу, или отъ глубокой же привязанности къ другому, возникшей или только еще возникающей въ сердцѣ хотя бы то еще безсознательно, или наконецъ отъ внутренняго призыва къ союзу только со Христомъ Господомъ въ цѣломудренной жизни. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, какъ сами разсудите, истязательно нудить себя къ союзу со извѣстнымъ лицомъ—не годится. И самое это лицо, при искреннемъ съ нимъ объясненіи, не захочетъ этой недоброй и бесполезной, а пожалуй — иногда и губельной, жертвы. Свое положеніе въ этомъ отношеніи, вы могли бы и должны бы выяснитъ еще въ самомъ началѣ истекающаго срочнаго года, испросивъ много-много только одинъ мѣсяцъ самоиспытанія. Трезво—безъ увлеченій, но и бодро, съ непремѣннымъ сохраненіемъ свободнаго настроенія, давно бы слѣдовало вамъ рѣшить дѣло и тѣмъ избавитъ отъ лишнихъ мученій не только себя, а, кажется, и другаго, который не имѣлъ бы ужъ повода къ раздраженію своей ревности—съ рѣшеніемъ дѣла.—

Возмите во вниманіе и эту сторону, вмѣстѣ съ другою стороною, которой мы касались въ письмахъ къ Варварѣ Васильевнѣ. Ради Бога не мучьте себя. Будьте передъ собою искренни и просты,—тоже и съ другими, кромѣ того—еще и благоразумны. Можетъ быть и то, что я писалъ Варварѣ Васильевнѣ; но можетъ быть также то, что душа ваша ощущаетъ, какъ подкрадывается къ ней и думаетъ обокрасть ее въ самой дорогой собственности—враждебный для нея духъ (хотя люди и не причастны злему его намѣренію). Въ женщинѣ вѣдь можетъ отобразиться въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и то, какъ таинственная жена—Церковь по Апокалипсису, бѣжала отъ змія въ пустыню. Но Господь ужъ побѣдилъ змія; да даруетъ Онъ вашей вѣрѣ и любви усвоить себѣ свою побѣду, сила которой—Его любовь.—

Вѣчная память вашей и моей мамашѣ!

Просилъ бы я васъ показать это письмо, когда обсудите все, Варварѣ Васильевнѣ; ея сердце, которому вполне до-

вѣряться, укажетъ, Богъ дастъ, вашему сердцу дорогу. Я желалъ бы, чтобы вы съ бодростію отдались В. П., но только въ томъ случаѣ, если ни одна изъ трехъ, выше означенныхъ, задержекъ не окажется и не признается вами.— Анна Сергѣевна съ сердечнымъ участіемъ вамъ кланяется.

Вашъ А. Бухаревъ.

Р. С. Пишите мнѣ, хотя бы и съ понужденіемъ себя къ этому; но напередъ съ искренностію и непринужденно побудьте все. Быть у васъ въ Казани намъ хочется, и пачпортъ въ тѣ края уже есть, но во 1-хъ, что скажете намъ гроза холеры? и во 2-хъ, какъ дозволятъ наши средства? О. Валеріану⁴⁰ напишите, что книгу мою о Новомъ Завѣтѣ желающимъ можно выписывать въ С.-Петербург. Семинаріи у Профессора Владим. Ив. Ловягина⁴¹. Въ письмѣ своемъ въ Нижній я позабылъ сказать объ этомъ, а Валеріанъ Викт. говорилъ о желающихъ купить эту книгу. Или вѣрнѣе, пусть желающіе согласясь пришлютъ *ко мнѣ* по 75 коп. сер. за экзем., я самъ распоряжусь высылкою этихъ книгъ.—

IX.

Воскресеніе пятой недѣли В. поста. [1866 г.]

Пишу вамъ не столько отвѣтъ на два послѣднія ваши письма, котораго вы уже и не желаете, а отчетъ во всей

⁴⁰ Валеріану Викторовичу Лаврскому (см. [1]). Т. к. въ Варшаву онъ былъ переведенъ лишь въ 1866 г., а до тѣхъ поръ, съ 1862 по 1866 г. былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, то „напишите“—въ Нижній,—что подтверждается и дальнѣйшими словами. Написать ему Антошпа Ивановна могла на правахъ свояченицы, ибо о. Валер. Викт. Лаврскій былъ женатъ на сестрѣ Александрѣ Ивановнѣ.

⁴¹ *Владимиръ Ивановичъ Ловягинъ* былъ братъ профессора Петроградской Духовной Академіи *Евграфъ Ивановичъ Ловягинъ*; они—сыновья Тверского протоіерея П. И. Ловягина (см. В. Колосовъ,—Исторія Тверской Семинаріи, стр. 343). Вместе съ Евграфомъ Ив. А. М. Бухаревъ поступалъ въ Тверскую Семинарію изъ Тверского Духовнаго Училища въ 1837 г. и былъ его товарищемъ; но потомъ пути ихъ нѣсколько разошлись—не только потому, что Е. И. Ловягинъ учился далѣе въ Петроградской Духовной Академіи, а А. М. Бухаревъ—въ Московской, но и по различію характеровъ—сдержаннаго у Ловягина и легко-подвижнаго у Бухарева. Гораздо сердечнѣе былъ къ Бухареву Владиміръ Ивановичъ. По сообщенію А. С. Бухаревой, „очень онъ хорошо относился къ А. М.-чу; мнѣ

перепискѣ моей по извѣстному дѣлу, продолжающемуся у васъ цѣлый годъ. Этотъ отчетъ обязанъ дать именно для многуважаемаго В. П.⁴², которому и прошу Васъ прочитать мое письмо.—

Вы знаете, что узналъ я отъ васъ о совершающемся въ вашемъ домѣ дѣлѣ—недавно, или довольно поздно, когда оно приняло уже рѣшительно извѣстное нестройное направление. Сначала я былъ только озадаченъ, не понимая, что тутъ такое; и потому старался только осмыслить ревность В. П. или протолковать для нашей милой А. И.,⁴³ отъ чего, во внутренней глубинѣ духа, могутъ возникать, повидимому совсѣмъ безпричинныя, ревнивыя движенія. А. И. со всею горячностію, кажется, приняла мои мысли, но въ то же время ненамѣренно высказалась, что она оказывается, по этому дѣлу, страждущею жертвою,—страждущею до безотрадности въ жизни, до нѣкотораго рода зависти мертвымъ и умирающимъ. Это меня очень смутило; въ объясненіе такого состоянія А. И., и я подобно самому В. П. остановился на предположеніи, что А. И., видно, не имѣетъ ли къ кому-нибудь особенной симпатіи, можетъ быть—и ею самую не понимаемой въ истинномъ значеніи. Это я и высказалъ ей вмѣстѣ съ другими предположеніями, не противенъ ли ей лично В. П. (тутъ дѣло не всегда въ личныхъ достоинствахъ), нѣтъ ли у ней задушевнаго желанія остаться въ дѣвствѣ, идти въ монастырь. Она мнѣ отвѣчала съ искренностію, что не знаетъ за собою никакихъ особенныхъ мыслей и движеній, а чувствуетъ только тяжелую муку отъ этихъ, то и дѣло возобновляющихся, *ценъ* недовольства, его упрековъ, подозрѣній, отъ этой нравственной пытки и ломки, подавляющей всякую ея самостоятельность и свободное настроеніе, хоть обѣщали не стѣснять ея духа; она желала бы, чтобы отъ нея отказались, если такъ нетерпимы ея недостатки, (т. е. собственно не недостатки, а то, съ чѣмъ не мирится душа В. П., или противъ чего онъ возмущается),—но и этого, говорить, не хотятъ.—

казалось, что много горячѣе, чѣмъ Евграфъ Ивановичъ, можетъ потому, что былъ эксцентриче, а тотъ былъ сдержанъ. Но, м. б., тутъ надо принять во вниманіе и его безсемейность.

⁴²) Владимира Петровича [39].

⁴³) Автоппны Ивановны Дубровиной [39].

Соображая все это, я нѣсколько началъ понимать, въ чемъ тутъ вся бѣда. Я знаю, что для любви В. П. не много было бы нужно для ея успокоенія и удовлетворенія въ истекающемъ году испытанія,—довольно было бы взгляда особеннаго участя и сочувствія, къ нему по временамъ обращаемаго, искренняго пожатія руки или другаго движенія, высказывающаго соотвѣтствіе или хоть бы только нѣкоторую готовность тому, словъ двухъ-трехъ сердечно ласковыхъ. Но В. П. долженъ бы знать, что все это только тогда не фальшиво и дорого, когда дѣлается свободно, а не выдумывается по заказу ревнивцевъ,—и что въ особенности А. И. не способна (и слава Богу!) къ несвободнымъ, по заказу выдумываемымъ изліяніямъ. Поэтому ему слѣдовало бы всячески озабочиваться, чтобы какъ-нибудь стѣснительно и принудительно не касаться этого милаго цвѣтка, и тогда этотъ цвѣтокъ, не поникая и свертываясь тоскливо, самъ собою сталъ бы окружать своего деликатнаго друга тѣмъ ласковымъ благоуханіемъ, которое онъ хотѣлъ, такъ нерасчетливо для себя, вынуждать своею требовательною ревнивостью. Черезъ это послѣднее онъ работаль, какъ-будто по какому-то несчастному заказу, прямо противъ себя, стараясь въ самомъ зародышѣ подавлять въ А. И. благопріятныя ему движенія сердца. Это онъ долженъ себѣ выяснитъ безъ всякой утайки и поблажки своему самолюбію, если ему дорого счастье и свое и любимаго имъ человѣка. Да, В. П. долженъ признать свою неотложную обязанность стать въ нормальное отношеніе къ А. И.,—долженъ, любя ее, вмѣстѣ и уважать эту прекрасную душу настолько, чтобы довѣрять ей, не подозрѣвать въ ней чего-либо дряннаго, не подавлять и не оскорблять ея духа капризною требовательностію, а довольно безразличныя несостоятельности или недостатки въ ней вмѣнять не во что-либо важное, а просто въ *ничто* (не говорю уже о томъ, что онъ не дозволить себѣ и тѣни презрѣннаго легкомыслія извѣстнаго рода хлыщей, которые изъ волокитства, на словахъ, а иногда и въ поступкахъ, сдѣлали для себя какое-то простое времяпровожденіе). Или иначе онъ долженъ самъ отказаться отъ нея; самопожертвованье, на которое она могла бы быть готова сама по себѣ, не годится, если оно не принесетъ счастья ни ей, ни ему.—

Въ этомъ смыслѣ я и писалъ А. И., давая при томъ ей

всѣ поводы къ тому, чтобы ей самой стало жалко В. П. и желательно дать ему счастье, чтобы хоть нѣкоторыя искры любви она открыла у себя въ сердцѣ, сохранившіяся или возбудившіяся—вопреки неблагоприятнымъ вліяніямъ бывшихъ обстоятельствъ. Да даруетъ это Господы! Тогда безпрепятственно совершатся желанія вашего любящаго сердца, добрая Варвара Васильевна, и увѣнчаются ваши тяжолыя скорби и тревожныя заботы желаннымъ союзомъ и счастьемъ любимыхъ вами людей. Простите! А. И. кланяюсь, дайте и ей прочесть это письмо, а особенно и непременно В. П.-чу, которому также мой поклонъ. Анна Сергѣевна васъ съ любовью цѣлуетъ; она очень уважаетъ васъ за вашу доброту.

Вашъ А. Бужаревъ.

Х.

2 Мая 1866 г.

Добрѣйшая Варвара Васильевна! Примите отъ меня хотя позднее: *Христосъ воскрес!*

Да, слишкомъ грустно и тяжело прошелъ у васъ весь этотъ годъ. Лучше бы, казалось, не назначать этихъ сроковъ; рѣшить бы за разъ то или другое. Но вотъ что, при этомъ, приходитъ на мысль: а что было бы, если бы эти до-супружескія затрудненія и тяжолыя недоразумѣнія вошли бы и въ торопливо заключенное супружество дорогихъ вамъ людей? Подумайте-ка объ этомъ. Вѣдь тогда была бы бѣда не поправимая. А теперь пусть *ихъ* (я говорю и о В. П. и объ А. И.) хорошенько напередъ споятся, прежде чѣмъ давать открыто свой концертъ. Пусть во все вникнуть, все обдумаютъ каждый самъ по себѣ и сговорятся между собою о всѣхъ, предусмотренныхъ или уже ощущаемыхъ ими, затрудненіяхъ, это лучше, чѣмъ послѣ расклеивать сваренную уже кашу съ нейдущими другъ къ другу приправами, которыя испортили бы все это кушаніе. Право—такъ, Варвара Васильевна! Поэтому я васъ прошу ничего не скрывать отъ В. П., покажите ему и настоящее письмо мое, какъ предъ идущее, въ которомъ я давалъ отчетъ о всей моей перепискѣ по этому дѣлу, въ послѣдніе мѣсяцы. Пусть его—все узнаетъ и сообразитъ хорошенько; вѣдь это великій и весьма отвѣтственный вопросъ, какъ устроить свою судьбу и счастье

другаго любимаго человѣка. Шутить тутъ нечего, да и затаивать что-нибудь отъ него не благоразумно и грѣшно.—

Вы сказали въ письмѣ, будто А. И. охладѣла и къ вамъ даже, такъ что дозволила себѣ что-то въ родѣ упрековъ. Не понимаю этого. Ваша доброта и любовь, по всему этому дѣлу, такъ очевидны, что не только ей самой, но и близкимъ или друзьямъ ея было бы несправедливо и неразумно сомнѣваться въ совершенной чистотѣ вашихъ намѣреній. Этого достаточно для вашего успокоенія, что тамъ ни толковали бы объ васъ. Впрочемъ съ А. И. вы объяснитесь поткровеннѣе, поводомъ къ этому объясненію пусть послужитъ настоящее мое письмо, которое вы ей покажите. Мнѣ не вѣрится, чтобы въ ней возникло какое-нибудь охлажденіе къ вамъ.—

Будьте спокойны по вашей искренней благонамѣренности, оживляемой вѣрою въ спасительный промыслъ о насъ Божій и спокойно ждите, чѣмъ Господь благословитъ исходъ этого, близкаго вашему сердцу, дѣла, не переставая въ тишинѣ молиться о всемъ лучшемъ *по волю нашего всеблагостнаго Отца Небеснаго*. Простите. Анна Сергѣевна вамъ съ уваженіемъ и любовью кланяется. Передавайте всѣмъ мои поклоны. Вашъ въ Господѣ А. *Бухаревъ*.—

ХІ.

Добрая Варвара Васильевна! Слишкомъ поздно отзываюсь я на ваше доброе привѣтствіе съ праздникомъ еще Воскресенія Христова. Вамъ въ вашемъ одиночествѣ отъ близкихъ прежде людей, думаю, грустно было долгое мое молчаніе. Но какъ-то задерживалось у меня на душѣ слово подтвърдительнаго отвѣта о Христовомъ воскресеніи, когда Господь въ нашихъ душахъ еще не воскресъ. Скажите, добрая душа, неужели для Васъ лучше было бы, когда бы Влад. Петр. и Ан. И. неразрывно соединились и у нихъ происходили бы сцены въ родѣ той, которая произвела разрывъ между прежними друзьями? Изъ чего же Вы и А. И. не подаете другъ дружкѣ руки дружескаго мира? Ей гнѣваться на Васъ также нѣтъ основательной причины: Вы, можетъ быть, и ошибочно рассчитывали на ея союзъ съ Влад. П., но съ искреннею и горячею къ нимъ обнимъ любовію. Изъ за

чего же продолжается такое охлажденіе, что вы какъ будто умерли одна для другой? Или русскія женщины не могутъ такъ повести дѣло, чтобы взаимная любовь и довѣренность не терпѣли отъ несоглашенія въ чемъ-либо стороннемъ для дружбы, напр. отъ не подходящаго къ счастью и поэтому не состоявшагося замысла объ извѣстномъ бракѣ? Въ жизни и безъ того довольно горькаго. Зачѣмъ еще мучить себя? Прошу Васъ передать эту записку и А. И., который, какъ и Вамъ, Анна Сергѣевна свидѣтельствуетъ со мною свое искреннее уваженіе и участіе. Прошу ее извѣстить меня, что извѣстно о варшавскихъ⁴⁴: я писалъ къ нимъ въ отвѣтъ на ихъ письма еще до святой, получили ли они мое письмо?—

Посылалъ я вамъ всѣмъ поклоны съ однимъ помѣщикомъ изъ казанскихъ краевъ Петромъ Владим. Панаевымъ⁴⁵. Прошу

44) Т. е. объ о. Валеріанѣ Викторовичѣ и Александрѣ Ивановичѣ Лаврскнхъ [40].

45) *Петръ Владимировичъ Панаевъ* (* 17 октября 1832, † 16 декабря 1874 г. холостымъ) принадлежалъ къ дворянскому роду Панаевыхъ, предки котораго, по семейному преданію, были повгородцы Панаимоновы, переселенные Іоанннмъ Грознымъ въ Восточную Россію. Родовое имѣніе ихъ— село Емельяново Лаишевскаго уѣзда Казанской губ. Въ этомъ родѣ было нѣсколько писателей, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить дѣда Петра Владимировича—Ивана Ивановича, извѣстнаго масонскаго писателя (26 октября 1796 г.); отца Петра Владимировича—Владимира Ивановича (* 6 ноября 1792, † 20 ноября 1859), „литератора и идиоллика“; двоюродныхъ братьевъ Петра Владимировича: Ивана Ивановича (* 1812, † 18 февраля 1862), извѣстнаго литератора; Павла Петровича (* 15 января 1834), бывшаго профессора инженернаго и строительнаго искусства въ Импер. Московскомъ Техническомъ Училищѣ и Валеріана Александровича. (Родословіе Панаевыхъ см. въ „Родословскомъ Сборникѣ русскихъ дворянскихъ фамилій“, В. В. Руммеля и П. П. Голубцова, Т. 2, СПб. 1887, стр. 242-246, при чемъ Петръ Владимировичъ стоитъ въ росписи подъ №19; ср. также у Гр. А. *Бобринскаго*,—Дворянскіе роды, Ч. 2, стр. 443). Общему повышенно-культурному уровню рода Панаевыхъ способствовали и благопріятные въ этомъ отношеніи браки, напримѣръ съ выдающимся родомъ библіофилловъ и собирателей *Лихачевыхъ*, съ *Риндовскими*. Въ своей глубоко-поучительной—но чувству преемственности культуры и связи культурности съ осознаніемъ рода—статья „Генеалогическая исторія одной помѣщицкнхъ библіотеки“ („Русскій Библіофилъ“, 1913 г., № 5. Сентябрь, стр. 5-101) Ник. Петр. *Лихачевъ* даетъ значительныя свѣдѣнія о Панаевыхъ, въ частности—автографъ и портретъ Владимира Ивановича Панаева, отца Петра Владимировича.

Должно быть отмѣчено еще, для дальнѣйшаго, что у Петра Владимировича были четыре сестры: *Надежда* Владимировна (* 15 марта 1827, † 1875), съ 22 мая 1846 г. въ бракѣ за гв. поручикомъ Павломъ Але-

ксандровичемъ *Кисловскимъ*; *Софія* Владимировна, † въ малолѣтствѣ; *Вѣра* Владимировна (* 6 февраля 1834, † 1870), въ первомъ бракѣ за стат. сов. Львомъ Павловичемъ *Толстымъ* (* 1818, † 1870), во второмъ—за Петромъ Фердинандовичемъ Вальперъ; *Александра* Владимировна (* 5 марта 1839, † 14 сентября 1879), за тайнымъ сов. Николаемъ Андреевичемъ *Лукьяновичемъ* (Руммельъ и Голубцовъ, id., Т. 2, стр. 244).

Вотъ что сообщала о Папаевыхъ А. С. Бухарева въ письмѣ ко мнѣ отъ 17 ноября 1916 г.: Петръ Вл. „*Папаевъ* былъ сынъ очень важнаго придворнаго сановника, тогда [т. е. во время знакомства П. В-ча съ о. Феодоромъ Бухаревымъ] давно уже умершаго. Образование получилъ въ Пажескомъ Корпусѣ. Привыкая во вниманіе его исключительную привязанность къ А. М-чу, о немъ хочу поговорить поподробнѣе; но чтобы дать понятіе о немъ, не сумѣю я иначе говорить, какъ въ конкретныхъ образахъ. Посѣщать онъ часто А. М-ча, посѣтилъ два раза и въ бытность его въ Никитскомъ монастырѣ. Въ концѣ, поминитея—1863 года, мы собрались въ Кронштадтъ къ Александру Алексѣевичу [Лебедеву], пробыли у него нѣкоторое время и на возвратномъ пути остановились дня на три въ Петербургѣ, занявъ номеръ въ какой-то гостинницѣ. Утромъ же А. М. пошелъ къ Владимиру Ивановичу Ловягину и завернулъ еще на квартиру Петра Владимировича—Папаева,—которая, куда бы онъ ни уѣзжалъ; всегда оставалась за нимъ. Лакей, остававшійся всегда при квартирѣ, очень обрадовался А. М-чу и сказалъ, что Петръ Владимировичъ только что возвратился изъ за-границы и куда-то ушелъ.—Тамъ онъ былъ довольно долгое время.—Лакей не переставалъ повторять: «А какъ баринъ-то будетъ радъ! А онъ,—говорить,—привезъ Вамъ подарокъ» и показывалъ тотъ крестъ, что у меня въ залѣ въ углу. А. М. пришелъ домой, а тѣмъ временемъ лакей далъ о немъ знать, сестрѣ Петра Владимировича, Вѣрѣ Владимировнѣ Толстой, съ которой Петръ Владимировичъ былъ особенно друженъ (у него были еще двѣ сестры) и которая тоже была очень привязана къ А. М-чу. Черезъ нѣкоторое время вошла къ намъ въ номеръ молодая дама, очень красивая и элегантная, -- это и была Вѣра Владимировна. Видно, она была рада А. М-чу, и они встрѣтились такъ, какъ будто послѣ того, какъ они видѣлись, ничего особеннаго и не произошло [пропозити разстриженіе и женитьба А. М-ча]. Разговорились они; а я все время сидѣла молча—Вѣра Владимировна многопровала мнѣ, и я конфузилась. Потомъ поняла я, что это была простая душа и сердце очень отзывчивое и привязчивое. Но еще болѣе привязчивое сердце было у ея брата. Вѣру Владимировну въ этотъ разъ мы больше не видѣли, потому что изъ номера насъ къ себѣ затащилъ Владимиръ Ивановичъ Ловягинъ. А Папаевъ все это время пронадалъ гдѣ-то и только по возвращеніи домой какимъ-то образомъ узналъ, что мы уже уѣхали на вокзалъ и разыскалъ насъ въ вагонѣ 3-го класса уже послѣ третьяго звонка, да такъ съ нами поѣхалъ въ Тверь, взявъ билетъ на слѣдующей станціи. Онъ и послѣ не разъ прѣзжалъ къ намъ въ Тверь, а также и въ Ростовъ. Онъ былъ вѣрующій человѣкъ, любилъ ходить за богослуженіе, также какъ и сестры его, во пдѣи А. М-ча едва-ли онъ понималъ, но б. м. чувствовалъ. Редакторъ Современника былъ его двоюродный братъ, но съ нимъ не былъ близокъ—

либераломъ онъ не былъ,—хотя не былъ и ретроградомъ,—проще сказать, политикой не занимался, ни вѣшной, ни внутренней, публицистику современную не читалъ,—почему съ братомъ было у него мало общаго. Любилъ онъ классическія произведенія и особенно любилъ музыку и самъ прекрасно игралъ на рояли. Иногда рассказывалъ про свое дѣтство, и эти рассказы много объясняютъ. Дѣтство было очень печальное. Они, дѣти, почти не видѣли своей матери и отца, но только по-утрамъ водила ихъ гувернантка къ матери и только затѣмъ, чтобы приложиться къ ея рукѣ. Ему хотѣлось ласки и ни отъ кого ея не видѣлъ. Гувернантку онъ не любилъ, а привязался къ старой нянѣкъ, а нянька была простая совсѣмъ женщина, очень суровая, нѣжностей не любила и разговаривать не любила. Но она о немъ заботилась, и онъ чувствовалъ, что все-таки любила его. Очень забавно онъ о ней рассказывалъ. Такая сцена:—Онъ любилъ сидѣть въ ея комнатѣ.—Нянька вяжетъ молча чулокъ, а мальчикъ все смотритъ на нее, очень ему хочется приласкаться къ ней; наконецъ, не вытерпѣвъ, заговариваетъ: «Няня я тебя люблю».—Ну, люби. Черезъ нѣкоторое время:—«Няня я тебя люблю».—Да, люби,—говорить. И опять: «Няня и т. д.»—Вотъ привязался, возьму, да уйду въ другую комнату.—Этимъ, вотъ, его характеромъ и объясняется исключительная привязанность къ А. М-чу.

„Но одно было у него большое несчастіе: Когда былъ въ Пажескомъ Корпусѣ, ему не жалѣли давать много денегъ, и онъ привыкъ пить съ товарищами много шампанскаго, потомъ перешелъ на вина, потомъ на водку. Развился у него алкоголизмъ—въ видѣ запоя. Это съ нимъ и случилось съ разъ и иногда два раза въ годъ. Мы его въ такое время никогда не видали, но, говорятъ, онъ былъ тогда пезвозможенъ—очень много чудилъ. Въ другое время онъ не могъ слышать даже запаха водки,—съ нимъ дѣлалось дурно. А. М. и въ Петербургѣ и послѣ даже не знали объ этой его болѣзни, онъ потомъ самъ все рассказалъ. Когда мы уѣзжали изъ Ростова, онъ какъ разъ въ это время пріѣхалъ къ намъ и почему-то остался тамъ безъ насъ,—и запылъ и много въ Ростовѣ почудилъ. Объ этомъ ему и писалъ А. М. въ письмѣ, что напечатано вмѣстѣ съ письмами къ Александру Алексѣевичу—Лебедеву [о Вѣрѣ Владимировнѣ Толстой и объ ея братѣ есть нѣсколько-кратныя упоминанія въ этихъ письмахъ въ „Бог. В.“ за 1916, Сент.—Нояб.—Дек., по чтѣ именно разумѣеть Анна Сергѣевна—недоумѣваю. П. Ф.]—Но добрая это была душа, царство ему небесное! Вскорѣ послѣ смерти А. М-ча онъ ко мнѣ пріѣхалъ. Очень плакалъ на могилѣ А. М-ча. Хотѣлъ онъ погостить у насъ, дядя [Николай Ивановичъ Родышевскій, у котораго жила А. С. Вухарева] его очень приглашалъ, но я отклонила, а когда онъ [Ш. В. Панаевъ] умеръ, очень пожалѣла, что такъ съ нимъ поступила. Дѣло въ томъ, что онъ еще былъ молодой человѣкъ, могли возникнуть силетни, а уже своей репутаціей я стала дорожить—какъ репутаціей вдовы А. М-ча. Объ этомъ есть въ одномъ изъ писемъ къ Валеріану Викторовичу [Гаврскому], но помнится неясно какъ-то сказано. Когда была я въ Казани, пріѣзжалъ со мной познакомиться профессоръ Корсаковъ, племянникъ Кавелина. Онъ хотя и былъ знакомъ съ Дубровинцами, но на этотъ разъ пріѣзжалъ специально ко мнѣ. А. М. былъ хороши съ его матерью и другими родными, а онъ еще

вась принять его, если онъ явится къ вамъ съ моими поклонами и еще съ книжкой для Конст. Викторовича Лавр-скаго ⁴⁶. Рѣшена ли судьба послѣдняго?—

тогда былъ мальчикомъ Митей. Онъ мнѣ и говоритъ: «Знаетъ ли Петръ Владимировичъ [Панаевъ], что Вы здѣсь?»—Я говорю, что и сама я не знаю, что въ Казани онъ. «Такъ, говорить, позвольте его извѣстить». Конечно, я была рада его видѣть. Но черезъ нѣкоторое время Корсаковъ пріѣзжаетъ и говоритъ, что Петръ Владимировичъ въ такомъ теперь состояніи, что онъ не рѣшился извѣстить его о моемъ пріѣздѣ. Я поняла, что онъ запилъ. Вскорѣ онъ и умеръ.—Была у насъ въ Твери и Вѣра Владимировна [Толстая] вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и дѣтьми. Они ѣхали куда-то по Волгѣ и сошли съ парохода, чтобы повидаться съ А. М-чемъ, пробыли у насъ нѣсколько часовъ и пріѣхали уже съ другимъ пароходомъ. Вѣра Владимировна говоритъ: «А какъ дѣти-то рады! Такъ и задрожали, когда я имъ сказала, что ѣдемъ къ о. Феодору». Они не знали его свѣтскаго имени. И ее мужъ мнѣ очень понравился: очень деликатный, и такое было доброе лицо у него. Черезъ нѣсколько лѣтъ Вѣра Владимировна овдовѣла и вышла другой разъ замужъ. Однажды П. В. Знаменскій [проф. Казанской Духовной Академіи] писалъ мнѣ: «Я теперь ухаживаю за Вѣрой Владимировной (у нея уже другая фамилія была [Вальеръ]), которая гоститъ здѣсь, ишу съ ней встрѣчи, чтобы испытать отъ нея что-нибудь объ А. М-чѣ. Много она знаетъ его *словечекъ*.»⁴⁶

⁴⁶⁾ *Константинъ Викторовичъ Лаврскій*—братъ Валеріана Викторовича, Самарскаго протоіерея и ученика о. Феодора Бухарева—, публицистъ и общественный дѣятель, присяжный повѣренный⁴⁶. Родился въ 1844 г., учился въ Казанскомъ Университетѣ. Подъ его фактическимъ редакторствомъ издавались съ 1872 г. „Камско-Волжская газета“, около которой онъ объединилъ лучшія провинціальныя силы Поволжья, а потомъ, будучи сосланъ въ Вологодскую губернію, привлекъ къ „Камско-Волжской газетѣ“ Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Газета до самаго ея закрытія (1874 г.) стойко проводила идеи децентрализаціи и провинціального возрожденія. Къ ея мнѣнію прислушивались Шелгуновъ, Мордовцевъ; противъ взглядовъ послѣдняго на провинцію К. В. Лаврскій выступилъ подъ псевдонимомъ „Литературно-обыватель“ съ обратившимъ на себя вниманіе „Литературнымъ Обзорніемъ“, напечатаннымъ въ сборникѣ „Первый шагъ“, Казань, 1876. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ К. В. Лаврскій помѣстилъ рядъ критическихъ статей въ „Недѣль“ (псевд. *Л. О. Л-скій*), а въ 1882 г.—рядъ статей: „Почвенные вопросы“. Въ 1906 г. былъ выбранъ отъ Казанской губерніи членомъ первой Государственной Думы. Состоялъ во фракціи трудовиковъ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ аграрной комиссіи („Энци. Слов.“ Брокгауза и Эфрона, 2-е изд., Т. 23, столб. 862-863, ср. „Русская Энциклопедія“, Т. 11, стр. 120). Объ отношеніяхъ Констант. Викт. Лаврскаго къ о. Феодору А. С. Бухарева отзывается такъ: „И этотъ человекъ чрезвычайно сочувственно относился къ А. М-чу [Бухареву], видѣлъ въ немъ необыкновенную личность, но только къ личности и было обращено его сочувствіе,—религіозные вопросы его мало занимали, хотя, какъ говорили, невѣрующимъ онъ не былъ“.

Деньги 3 руб. отъ Анны Петровны съ вашимъ письмомъ, Варвара Васильевна, получены. Благодарю!

Владимиру Петровичу, Екатеринѣ Васильевнѣ, Александрѣ Вас., Анѣ, Ольѣ—мои поклоны. Вспомните, какой благословенный былъ у васъ монастырь, когда покойная Марья Михайловна ⁴⁷ назвала Васъ игуменьей, А. И. казначеей, себя будильницей. Царство ей небесное, а намъ миръ со всѣми.

Простите Вашего А. Бухарева. Матери Варсонофіи при случаѣ передайте мой поклонъ.

ХII.

11 Декаря 1866.

Добрая Варвара Васильевна! Поздравляю Васъ со днемъ вашего Ангела. Изъ всѣхъ моихъ близкихъ по духу, кажется, вамъ однимъ я пишу по временамъ поздравительныя письма со днемъ Ангела. Да утѣшается ваше сердце тѣмъ, что и скорби принимать по участію въ другихъ людяхъ и ихъ дѣлахъ — радостно для человѣколюбиваго христіанскаго сердца. Мнѣ хотѣлось бы въ нынѣшній годъ видѣться съ вами, пока я и вы живы. Но это для меня теперь возможно не иначе, какъ если мои друзья сдѣлаютъ складчину для доставленія мнѣ средствъ на это путешествіе. Я объ этомъ уже писалъ недавно и Антонинѣ Ивановнѣ. Удобно ли Вамъ принять, можетъ быть, наибольшее участіе въ этой складчинѣ? Я лично повидаль бы васъ всѣхъ и все, что у васъ совершается. Вы писали мнѣ однажды и о вашихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ финансовыхъ. Если и теперь онѣ не поправились, то и не принимайте никакого участія въ предполагаемой мною дружеской складчинѣ. Мнѣ, можетъ быть, и лучше будетъ не предпринимать далекихъ путешествій,— хотя бы я и желалъ этого.

А знаете ли, почему я, и по собственнымъ дѣламъ, желалъ бы въ слѣдующее лѣто, если Богъ дастъ дожить, побывать въ Казанскихъ краяхъ?—Лѣтнее время прошлаго года я проводилъ за письменнымъ дѣломъ, изъ за котораго опустилъ я возможность повидать, предъ смертію, Отца

⁴⁷⁾ См. [4].

Петра въ Угличѣ ⁴⁸, къ которому, и изъ Казани, я нарочно, ѣздилъ для свиданія. И однако это самое дѣло письменное, мое сочиненіе, оказалось никому не нужнымъ; я самъ на свой счет издавать свои сочиненія не могу, а книгопродавцы не хотятъ брать на себя изданія этого моего сочиненія. Изъ за чего же мнѣ и трудиться? Лучше я побываю у кого нибудь изъ близкихъ моихъ, если они того пожелаютъ. А то и Христосъ да будетъ со всѣми! Мнѣ больше дѣлать нечего. Какъ Господу угодно, такъ и да будетъ. У насъ, съ Анной Сергѣевной, всѣ средства жизни—только въ Немъ. Впрочемъ мы оба здоровы и оба же желаемъ вамъ всего лучшаго на новый вамъ годъ. Простите вашего А. *Бухарева*.
Всѣмъ вашимъ мои поклоны.

ХІІІ.

Іюня 6 д. 1867 г.

Добрая Варвара Васильевна! Повѣрьте мнѣ, что, когда, Богъ дастъ, разсѣется вся мгла и мракъ во взаимныхъ отношеніяхъ между вами и А. И., вы обѣ сами будете дивиться, какъ это вы обѣ поддались совсѣмъ пустымъ и неосновательнымъ недоразумѣніямъ или худымъ мыслямъ другъ о другѣ. Вотъ оно искушеніе-то отъ лукаваго, по попущенію Божію! А. И. столь же мало можетъ приписывать Вамъ что-либо недобросовѣстное, своекорыстное, какъ и Вы ей. Возстаньте пожалуйста противъ зла за добро, за любовь. Порадуйте меня примиреніемъ вашимъ, оставивъ найденное взаимное недовѣріе и нерасположеніе.—

Не знаю писалъ ли я вамъ, что умеръ Отецъ Петръ углицкой ⁴⁹—святой старецъ, къ которому я изъ Казани ѣздилъ

⁴⁸) † 3 сентября 1866, см. [49]. О. Феодоръ пишетъ: „лѣтнее время *прошлаго года*“, но вѣроятно считаетъ, по старой привычкѣ учившагося и учившаго, года академическіе. Память Св. великомученицы Варвары ирразднуется 4 декабря. Письмо вѣроятно написано около 1 декабря 1866.

⁴⁹) О. Петръ [Александровичъ] *Томаницкій* (* 5 іюня 1782, † 3 сентября 1866) заштатный священникъ Новоіерусалимской Слободы въ г. Угличѣ, юродивый и прозорливый старецъ, весьма много значившій въ духовномъ ростѣ о. Феодора (А. М. Бухарева). Самъ о. Феодоръ написалъ о немъ брошюру: „Воспоминанія о покойномъ, заштатномъ священникѣ Новоіерусалимской Слободы Отцѣ Петрѣ Томаницкомъ.“ (Ярославль. Въ ти-

нарочно. Онъ проявлялъ великое благодатное дарованіе устроить добрый и святой миръ между людьми. Прошу Васъ помнить его въ вашихъ молитвахъ.—

За деньги, присланныя мнѣ, благодарю. Но просилъ бы я Васъ не скрывать, отъ кого онѣ.—

Анна Сергѣевна съ любовью и уваженіемъ кланяется. Мы здоровы. Недавно перемѣнили квартиру. Адресъ мой пишете просто: Ростовъ. Ярослав. губ. А. М.—Б...

При случаѣ передайте мой поклонъ матери Варсонофіи. Кланяюсь также Владиміру Петровичу.

Слава Богу за все! Вашъ въ Господѣ *Александръ Бухаревъ*.

29 Августа 1867 г.

XIV.

30 Декабря 1867 г.

Добрая и многоуважаемая Варвара Васильевна! Очень благодаренъ я Вамъ за ваше доброе письмо и поздравленіе съ великимъ праздникомъ. Примите и мое поздравленіе съ новымъ годомъ, начало котораго почти совмѣстно съ началомъ новаго года лично—вашего. Я вѣдь помню день вашего Ангела. Но не писалъ къ Вамъ все изъ-за того, что привѣты и благожеланія, въ подобные дни, хороши, когда они выражали бы не одно приличіе, а радость о привѣтствуемыхъ друзьяхъ. Радоваться я не могу о томъ, что у васъ все еще продолжается темное время отсутствія мира и любви съ вашими друзьями. Долго ли этому быть? Но Вы говорите, что друзья ужь умерли? Воскресите ихъ или воскресите себя для нихъ. Кто первый протянетъ искреннюю дружелюбную руку, тому и пальма побѣды. Вы снова будете счастливы духомъ. Богу всегда угодны миръ и любовь. И Вы напрасно думаете, будто дружелюбіе ваше съ А. И. было нарушеніемъ вашего прежняго желанія и даже долга не искать, послѣ потери мужа, радостей жизни въ человѣческихъ привязанностяхъ. Послѣ мужа Вы до старости и не искали себѣ мужа, въ этомъ вы соблюли свой обѣтъ. Но А. И. была

пографин Г. Фалькъ. 1871. 50 стр.) и говорить о немъ неоднократно въ первой редакціи „Исследованій Апокалипсиса.“—Объ о. Петрѣ см. подробности и литературу въ статьѣ свящ. А. М. Бѣлорукова.—Внутренній переломъ въ жизни А. П. Бухарева (архим. Θεολора) („Бог. Вѣст.“ 1915). Т. 3, Окт.—Нояб.—Дек., стр. 806-838, особ. стр. 821, прим. 79-е.

только имѣвшимъ опору въ васъ другомъ вашимъ. Желая ей счастья, вы хотѣли бы сблизить и соединить ее съ роднымъ вамъ человѣкомъ. Но эти сближенія и союзы устроются не по однимъ желаніямъ друзей, а главнымъ образомъ по добровольнымъ симпатіямъ соединяемыхъ. А. И. не нашла въ себѣ симпатіи къ В. П.; значить, и дѣлу пока конецъ. Тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для васъ. Ваша дружба не должна посягать на духовную свободу вашего друга, это была бы жестокая несправедливость съ вашей стороны. А прочія огорченія, какъ-то разныя обидныя слова и поступки, были ужъ послѣдствіями того, что ваша дружба хотѣла бы, для блага вашего друга, сдѣлать нѣкоторое духовное принужденіе и насиліе этому другу. Вотъ въ чемъ вся бѣда! Прижмите снова къ сердцу вдоволь же настрадавшуюся А. И., и пусть снова процвѣтетъ вашъ благословенный „монастырь“, какъ мы нѣкогда любили называть ваше общество друзей. Вашъ *А. Бухаревъ*.

Анна Сергѣевна благодарить за ваше доброе расположеніе къ ней и свидѣтельствуетъ вамъ свое живое сочувствіе.

XV.

22 Апрѣля 1868 г.

Добрая Варвара Васильевна! Христось воскресе!

Оба послѣднія письма ваши я получилъ— одно въ Ростовѣ, а другое, дня два назадъ, въ Москвѣ, куда мы прибыли по требованію врачебныхъ пособій для Анны Сергѣевны. Ужъ цѣлый мѣсяць прошелъ, какъ мы оставили Ростовъ, да мѣсяца два еще придется прожить въ Москвѣ, если еще будемъ живы. Объ извѣстныхъ вашихъ огорченіяхъ болѣе ужъ ничего не могу сказать кромѣ молитвеннаго желанія, чтобы онѣ по крайней мѣрѣ, имѣли послѣдствіемъ для васъ всѣхъ—пользу, хотя бы и довольно позднюю. Я же лично много благодаренъ Вамъ, добрая Варвара Васильевна, за вашу неизмѣнную доброту и неотпадающую христіанскую любовь ко мнѣ. Да утѣшить Васъ за это нашъ Создатель и Спаситель своими благодатными утѣшеніями. Кланяюсь Владиміру Петровичу и всѣмъ вашимъ, хотя внѣшне и чуждающимся васъ, но въ глубинѣ души любящимъ васъ приснымъ и друзьямъ. Анна Сергѣевна благодарить Васъ за доброе расположеніе,

въ которомъ и съ своей стороны искренно увѣряеть Васъ. Будьте здоровы и спокойны. Вашъ А. Бужаревъ.

Мы живемъ въ Москвѣ—на Тверской, въ №№ Руднева, № 47 въ домъ Голяжкина.—Нижеслѣдующія строчки покорнѣйше прошу вырѣзать изъ этого листка и передать Антонинѣ Ивановнѣ.

P.S. Матери Варсонофїи мой искреннїй поклонъ передайте при случаѣ, Добрая Варвара Васильевна!

XVI.

13 Юня 1868 г.

Добрая Варвара Васильевна! Ваше письмо получено мною 3-го Юня. Не тотчасъ отвѣчалъ я Вамъ потому, что въ первыхъ числахъ этого мѣсяца Вы сряжались ѣхать въ деревню, а потому, разсуждалъ я, все равно—письмо мое не скоро попадетъ Вамъ въ руки. Отъ насъ великія Вамъ новости: намъ съ Анною Сергѣевной Богъ далъ 7-го мая дочь Александру, и теперь насъ ужъ трое. Въ Москвѣ пробудемъ, если Богу угодно будетъ, по крайней мѣрѣ весь Юнь, а если найду здѣсь прочное дѣло себѣ, то и болѣе. Радуюсь за вашу Аньуту, что получаетъ доброе воспитаніе; не сомнѣваюсь и въ томъ, что скоро ли, долго ли вы всѣ опять будете въ одномъ духѣ мира и любви. Иначе и Вы и другая сторона меня забыли бы; а вмѣсто этого вы всѣ—обѣ т. е. стороны—сердцемъ не разлучаетесь со мною въ Господѣ. Вамъ дано выносить въ себѣ и тѣмъ подрывать, сколько я понимаю, какое то зло, раздѣляющее людей враждою. А самимъ по себѣ вамъ враждовать между собою рѣшительно не изъ за чего. Такъ, напримѣръ, въ Дивѣвской женской обители, блюдомой молитвами Отца Серафима Саровскаго блаженной памяти, тоже въ послѣдніе годы произошла ни изъ за чего же распря, вслѣдствіе которой пятьдесятъ сестеръ были напрасно выгнаны изъ монастыря⁵⁰. Врагъ дѣлаетъ это на зло, а Господь силенъ обратить тоже самое въ добро: невѣстамъ Христовымъ дано выносить въ своемъ раздѣленїи и распряхъ великую распрю между разными духовными направленїями. Подобное совершается и у васъ; не

⁵⁰) См. [12].

даромъ мнѣ еще въ Казани, помните, нравилось сравнивать ваше дружеское, искренно вѣрующее общество съ Дивѣвской общиной.—

Петру Влад. Панаеву ⁵¹, если онъ еще не уѣхалъ изъ Казани, прошу сказать, что большое его письмо мною получено, что всему *доброму* я радуюсь, но писать къ нему затрудняюсь потому, что не знаю, гдѣ его найти своимъ письмомъ.

Адресъ мой для него и для Васъ: въ *Москву, въ Пречистенской части, въ 5 кварталъ, домъ Спиридонова—рядомъ съ Церковію Иерусалимскаго подворья*. Простите! Матери Варсонофії передайте мой поклонъ и извѣстіе о нашей новости. Анна Сергѣевна вмѣстѣ съ мною свидѣтельствуютъ Вамъ глубокое уваженіе. Испаняюсь Владимиру Петровичу и всѣмъ вашимъ. Вашъ А. Бухаревъ.

XVII.

Добрая Варвара Васильевна! Вмѣсто письма моего, ужъ конечно извѣщалъ Васъ о насъ Петръ Владиміровичъ Панаевъ, бывший у насъ въ Сентябрѣ. Мы опять въ Ростовѣ, только ужъ трое. Сашенька наша вотъ ужъ съ полгода, Богъ далъ, живетъ на бѣломъ свѣтѣ. Анна, слава Богу, здравствуетъ сколько возможно при безпокойствахъ ухода за ребенкомъ. Я, хотя и болѣзненный—какъ всегда, тоже живу по немножку; по обыкновенію пишу, и наблюдаю тихонько, что дѣлается въ Божіей Церкви и въ Божьемъ мірѣ. О многомъ грущу, напимѣръ—и о вашемъ, какъ угодно—не христіанскомъ разладѣ съ Антониной ⁵². Неужели ужъ нынѣ Господь не находитъ послушниковъ и послушницъ заповѣдей любви и мира? Неужели собственно для Него нынѣшніе люди не поспеютъ ничемъ своимъ? Бѣдныя мы. Да вина не съ нашей стороны; но Христу и нужна прощающая и общительная любовь хотя бы другіе были виноваты.

Кажется, мнѣ не придется писать Вамъ до близкаго дня Вашего Ангела. Примите отъ насъ обоихъ заблаговременныя поздравленія.

⁵¹) О. П. В. Панаевъ см. [45].

⁵²) Здѣсь, какъ и рѣче, подъ „А. П.“ разумеется Антонина Пвановна Дубровина.

Желаю Вамъ всего лучшаго отъ Господа, какъ и всѣмъ вашимъ. Вашъ А. Бухаревъ.

Анна Сергѣевна свидѣтельствуетъ Вамъ глубокое уваженіе и участіе во всемъ, касающемся васъ. Передайте мой душевный поклонъ матери Варсонофіи и Владиміру Петровичу. Адресъ нашъ тотъ же: въ Ростовъ, Ярославской губерніи А... М... Б...—

1 Ноября 1868 г.

XVIII.

21 Февраля 1869 г.

Добрая Варвара Васильевна! Христіанское упокоеніе Владиміра Петровича⁵³ должно утѣшать и успокоивать и нашъ духъ. Слава Богу! Хорошо бы содѣйствовать успокоенію его души—возстановленіемъ мира съ тѣми, съ которыми нѣтъ теперь и мнимаго повода быть не въ мирѣ.

Вашъ подарокъ нашей Сашѣ доставилъ намъ живое удовольствіе, особенно благодарна Вамъ Анна Сергѣевна за любовь къ дитяти нашему. Она все сряжалась сама писать къ Вамъ; но отчасти самое дитя и особенно хозяйственныя дѣла по перемѣнѣ квартиры и прислуги не позволили ей этого въ послѣднее время.

Мы понемножку живемъ, хотя и со всякими перемѣнами здоровья, какъ то обыкновенно бываетъ.

Оба мы желаемъ Вамъ всего наилучшаго.

Вашъ А. Бухаревъ.

Адресъ нашъ просто: Въ Ростовъ Яросл. губ. А... М... Бух...

XIX.

Добрая Варвара Васильевна! Очень давно я не писалъ Вамъ. Простите меня! Вы, въ послѣднемъ своемъ письмѣ, поздравляли насъ съ праздникомъ Пасхи, а въ самый день Пасхи наша Сашинька отошла отъ насъ праздновать Пасху въ другомъ мирѣ. Можете представить, какое горе было моей Аннѣ, носящей это горе въ сердцѣ донныѣ. Материнская любовь ея не находитъ вознагражденія своему лишенію. Добрая Варвара Васильевна! Настали ли у васъ наконецъ времена мира? Я сѣтую и сержусь на Антонину Ивановну,

⁵³) Панаева, см. [11, 39].

что она младшая не [неразобрано] и не смиряется. Предвосхитите у ней благодать. Ради будущей жизни, куда ушли отъ насъ Сашинька, а отъ васъ Владимиръ Петровичъ, протяните первая А. И. руку мира и скажите: ужъ нѣтъ на землѣ въ живыхъ предмета нашихъ недоразумѣній; зачѣмъ же намъ быть мертвыми другъ для друга? Вѣдь надо же когда нибудь этому быть; потому что Спаситель ведетъ насъ къ тому, да вси едино будутъ у Него и въ Немъ. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Простите! Мы съ Анной теперъ въ Переяславлѣ у ея родныхъ. Если скоро будете писать, адресъ: въ Переславль Залѣс-Влад. губ. Его Высокоблагор. Николаю Иван. Родышевскому⁵⁴

⁵⁴⁾ Дядя Анны Сергѣевны Бухаревой, у котораго она жила по смерти А-ра М-ча. По ея отзыву, „это былъ человѣкъ добрый, прямодушный и очень непосредственный. По умственнымъ способностямъ онъ былъ ниже моего отца (Сергѣя Ивановича Родышевскаго, ср. [33]), но у него больше было такта, было чувство мѣры,—онъ былъ человѣкъ уравновѣшенный. Когда я выходила замужъ,—онъ много сдерживалъ моего отца отъ эксцессовъ. А еслибъ не онъ, такъ, пожалуй, отецъ и не далъ бы того разрѣшенія, безъ котораго священникъ не сталъ бы вѣнчать. Онъ былъ человѣкъ не книжный, кромѣ газетъ ничего не читалъ,—а для меня выписывалъ «Современникъ» (еще до моего замужества), въ который и не заглянулъ никогда. (Отецъ выписывалъ «Эпоху» Достоевскаго). Впрочемъ, и у дяди было одно увлеченіе—это сельское хозяйство. Онъ не былъ богомоленъ, какъ мой отецъ, не всегда въ праздники, т. е. въ Воскресенье, бывалъ онъ въ церкви, но былъ человѣкъ вѣрующій. И духовныхъ книгъ не читалъ онъ,—его отношенія къ Богу выражались въ удивительной покорности волѣ Божіей: что бы съ нимъ не случилось, что бы тяжелое не приходилось ему переживать, онъ всегда говоритъ одно: „Его Святая воля!“—часто, очень часто я это слышала отъ него. Страшно любилъ онъ дѣтей—своихъ не было у него.—Его называли лѣтскимъ праздношникомъ. Яувѣрена, онъ бы намъ съ А. М-чемъ очень помогать, если бы у него самого не были, въ матеріальномъ отношеніи, очень тяжелыя обстоятельства. Купилъ онъ на имя жены на занятія деньги большое количество подгородной земли, сталъ заводить машины и запутался въ долгахъ. Въ своемъ имѣніи хозяйничать онъ не могъ, т. к. былъ городничимъ, т. е. что теперъ исправникъ. Только года черезъ два послѣ смерти А. М-ча ему удалось продать въ своемъ имѣніи лѣсъ, и такимъ образомъ расплатился съ долгами. Отпосллся, также какъ и мой отецъ, очень хорошо къ крестьянамъ. Оба они, и отецъ и дядя, съ крестьянъ брали самый ничтожный оброкъ, а послѣ крестьянской реформы землю сдавали имъ въ аренду такъ дешево, какъ никто во всемъ уѣздѣ. А крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, дядя такъ принималъ, что экономка возмущаясь говорила: «У нашего барина мужики—первые гости». А. М-ча очень уважать“.

для передачи Ал... М... Бухареву. Если же замедлите отвѣтомъ, то лучше будетъ подождать новаго отъ меня письма, потому что мы можемъ въ непродолжительномъ времени выѣхать изъ Переславля. Куда? Еще и сами не знаемъ. Анна Сергѣевна съ живѣйшею любовію вамъ кланяется. Еще разъ простите!

Преданный Вамъ *А. Бухаревъ*.

26-го Сентября 1869 г.

XX.

Добрая Варвара Васильевна! Давно я не писалъ Вамъ. Но я это сдѣлалъ почти невольно; слишкомъ ослабѣлъ здоровьемъ въ послѣднее время. Ваше письмо послѣднее отраднѣе; понемножку идетъ дѣло къ лучшему. Будемъ терпѣливы; придетъ и самое лучшее. Вы жалуетесь на глаза; я тоже не могу ужъ обойтись безъ очковъ. Всему видно свое время.

Да осѣнитъ Господь благословеніемъ весь вашъ домъ! Бывало, какъ у Васъ всѣмъ намъ было уютно и тепло на душѣ. Но Господь послалъ и испытаніе. Надо, видно, пріобрѣсть и терпѣніе,—любовь долготерпѣлива.

Когда будете, въ слѣдующій разъ, писать ко мнѣ, спросите у Антонины Ив. адресъ Лаврскихъ въ Варшаву⁵⁵. Я къ нимъ не писалъ такъ долго, что прежній адресъ, безъ сомнѣнія, ужъ не годится.

Прилагаемое при семъ письмецо прошу отдать Матушкѣ Варсонофіи.

Анна Сергѣевна, сегодняшняя имяниница, Вамъ душею кланяется.

Простите Вашего въ Господѣ *А. Бухарева*.

3 Февраля 1871 г.

Адресъ по прежнему: Въ Переславль Залѣс. Владим. губ. Ал... М... Бухареву.

⁵⁵⁾ Т. е. Валеріана Викторовича и Александры Ивановны, см. [42].